

Федеральное агентство по образованию
—
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Калмыцкий государственный университет»

Хойт С.К.

***Кереиты в этногенезе
народов Евразии
(историография проблемы)***

Элиста

2008

УДК 94(517):39(470.47)

ББК Т521(=051)

Х 708

Хойт, С.К.

Кереиты в этногенезе народов Евразии: историография проблемы [Текст] / С.К. Хойт. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. – 82 с.

ISBN 978-5-91458-044-2

Работа посвящена исследованию различных, главным образом историографических, аспектов этногенеза кереитских групп и их потомков, вошедших в состав различных современных народов Евразии.

Книга предназначена историкам, филологам, этнологам, антропологам, а также всем интересующимся путями сложения современных монголо-, тюрко- и тунгусо-маньчжуроязычных народов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Ойратские этнические группы в Калмыкии и Монголии: проблемы этногенеза (междисциплинарный подход)», проект № 07-01-92006 а/Г)

ISBN 978-5-91458-044-2

© Хойт С.К. 2008 г.

Содержание

Введение	4
Глава 1. Кто же такие kereid?	5
1.1. Этимология этнонима	5
1.2. Возможные предки	11
Глава 2. Цзубу	12
2.1. О термине	12
2.2. Состав цзубу	16
2.3. Локализация цзубу	20
2.4. Экономика цзубу	21
2.5. История цзубу	22
Глава 3. Кереит	27
3.1. Локализация кереит	27
3.2. Численность кереит	30
3.3. История кереит	30
3.3.1. Домонгольский период	30
3.3.2. Монгольский период	34
3.3.2.1. В составе монгол	34
3.3.2.2. В составе других народов	46
3.3.3. Состав кереит	48
3.3.3.1. Состав	48
3.3.3.2. Потомки	54
3.3.4. Итог	61
Глава 4. Обсуждение	64
Заключение	73
Использованные материалы	74

Введение

В 2003 г. группа английских генетиков опубликовала статью «The Genetic Legacy of the Mongols» (Zerjal et al., 2003), в которой описывался один из вариантов Y-хромосомной линии, необычно часто встречающийся среди 16 групп (хазара; узбеков; казахов; киргизов; уйгуров; монгол МР; казахов, сибо (xibe) СУАР КНР; монгол АРВМ КНР; хань провинций СУАР, Ганьсу, АРВМ КНР; маньчжуров, дауров, эвенков, хэчжэ (hezhe, нанаи) северо-восточных провинций КНР), населяющих территорию от Тихого океана до Каспийского моря. В среднем по земному шару этот вариант встречается у 0,5% мужчин, среди исследованных групп – у 8%. По логике исследователей либо он давал какие-то преимущества ее хозяину, либо его носитель и его потомки обладали высоким социальным статусом, который позволял распространять этот вариант линии Y-хромосомы с частотой выше средней по миру. Учитывая расчеты времени появления этого варианта (примерно 1000 лет назад) и территорию его высокой встречаемости, которая совпадала с территорией империи Чингис-хана, авторы предположили, что он мог принадлежать Чингис-хану или его более или менее близким предкам. В прессе этот вариант Y-хромосомной линии был назван «геном Чингис-хана».

В случае, если он действительно принадлежит основателю Монгольской империи, то это первый случай использования маркеров Y-хромосомы для описания генетической линии, отмеченной в монгольской истории именем «борджигин кият». К сожалению, для современных представителей этой линии, наверняка имеющих достоверно зафиксированные родословные, подобного анализа до сих пор сделано не было, и подтвердить или опровергнуть принадлежность этого сочетания генетических маркеров роду «борджигин кият» пока не представляется возможным. Поиск носителей данной линии на территории РФ, выявил их среди 18 групп (алтайских казахов, алтай-кижи, телеутов, хакасов, шорцев, тувинцев, тоджинцев, тофаларов, сойотов, бурят, хамниган, эвенков, монголов, калмыков, таджиков, курдов, персов и русских) (Деренко и др., 2007). К сожалению, родовая принадлежность большинства найденных

людей нам неизвестна, за исключением одного человека. Им оказался казах из рода керей (Орлова, Марков, 2008).

Учитывая это обстоятельство, совершенно закономерно перед исследователями встает вопрос о происхождении и истории этой группы. Следует заметить, что вопросы происхождения кереит напрямую связаны с вопросами происхождения многих средневековых и современных народов Евразии. И хотя их происхождение уже становилось предметом исследований, история сложения этой общности и вхождение различных ее частей в состав ряда современных этнических групп нуждается в дополнительном изучении. Цель данной работы – анализ доступных нам сведений о кереитах с выделением основных этапов их истории, а также истории их потомков.

Глава 1. Кто же такие кереит?

1.1. Этимология этнонима

Этноним кереит (kereit, kereid, кэрэит, кераит, керэд, кэрээд, хэрээд, хэрээн, хэрэйд, керейт, керай, керей, гирей) легко читается с монгольских языков и отражает верования, связанные с древнейшим культом предка-ворона, родоначальника рода и племени. В составе различных современных монгольских групп до наших дней сохранилось много административных и этнических подразделений с наименованиями тотемного происхождения, например, кереит (вороны), чонос (волки), бухус (быки) и т.п. Относительно этимологии этнонима кереит существуют и другие, весьма разноречивые версии. Так, Шакарим Кудайберды-Улы (1990) приводит мнения:

профессора Березина, согласно которому керей – ветвь маньчжурского племени кари;

Аристова, предполагавшего, что этноним был получен по притоку р. Уда (Ода), на севере Саянских гор, который так и называется Керей;

летописцев Рашид ад-Дина, Абул-Гази, Наджип Гасымбека, утверждавших, что керей означает «черный» (кара). Якобы у одного уйгура (у одного царя – в версии Рашид ад-Дина – Х.С.) все восемь сыновей были

черными (черноволосыми), и их прозвали по-монгольски керейт, т.е. черными.

Мнение хивинского хана Абул-Гази, согласно которому «караит» значит «черный баран» (Абул-Гази, 1906. с. 42) приводит Авляев, хотя тут же замечает, что «кара-ит» в переводе с тюркского означает «черная собака», а не «баран» (Авляев, 1984. с. 34).

Кроме этого имеются предположения Гафурова, согласно которым:

Гирей (Гарай) восходит к монгольскому нарицательному слову гарай со значением «заслуженный, достойный, обладатель прав» (Гафуров, 1971, с. 70), что не подтверждается фактами современного монгольского языка, в нем нет слова «гарай» (Монраев, 1998. с. 8);

либо «основу имени Герай может составлять корень кер с семантикой "упорство, стойкость, оспаривать". Имена с таким значением составляют большую группу в тюркской и монгольской антропонимии. Вполне возможно, что имя Герай (Керай) обозначает "упорный, стойкий"» (Гафуров, 1987. с. 28-29, 157).

Впрочем, версии исходящие из значений «черный», «упорный», «стойкий», «оспаривать», «заслуженный», «достойный», «обладатель прав» не выглядят убедительными и, на мой взгляд, их можно оставить. Гипотезу о происхождении этнонима от названия реки, следует проверять исходя из данных о существовании такого названия во времена первых упоминаний этнонима керейт. К сожалению, такими данными я не располагаю. Что касается версии о маньчжурском происхождении этнонима, то, как и речную гипотезу, за недостатком материала, оставляю без комментариев для рассмотрения соответствующими специалистами.

Несмотря на то, что этноним керейт адекватно толкуется только с монгольских языков, в литературе имеются различные мнения относительно лингвистической принадлежности керейтов XIII в. Авляев приводит ряд авторов (Аристов, 1896. с. 303; Абул Гази, 1906. с. 42; Аманжолов, 1959. с. 58; Муканов, 1974. с. 29-30), которые «считают керейтов тюрками на том основании, что керейты, найманы и меркиты не включены Рашид-ад-дином в число так называемых "коренных" монгольских племен XI-XII веков (онон-керуленская группа из "хамуг-монгол")» (Авляев, 1984. с. 30). Он же приводит и другие работы

(Бартольд, 1963. с. 505; Владимирцов, 1934. с. 23; Петрушевский, 1952. с. 29; архимандрит Палладий (Кафаров), 1902. с. 186; Потанин, 1883. с. 660; История Монгольской Народной Республики, 1983. с. 123-124), авторы которых на основании монгольских, персидских и китайских источников «признают их монгольское происхождение» (Авляев, 1984. с. 30). В пользу второй точки зрения говорит замечание Рашид ад-Дина о кереитах «Они представляют собой род монголов» (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 127). Однако относительно «Сборника летописей» следует отметить, что у Рашид ад-Дина одни и те же группы (в том числе и кереиты) иногда могут фигурировать то как тюрки, то как монголы. Это объясняется тем, что термином тюрки он часто объединяет все кочевые скотоводческие народы Азии, вкладывая в него не столько этнический, сколько социально-бытовой смысл. Используя термин как собирательный и обобщающий, он называет тюрками племена, помимо тюркских говорившие на монгольских, тангутском и тунгусо-маньчжурских языках (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 28, 92). Однако когда дело касается лингвистической принадлежности тех или иных групп и в частности кереитов, мы видим прямые указания: «Они ... имели сходство с монгольскими племенами, и их обычаи, нравы, наречия и словарный состав [лугат] – близки друг к другу» (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 2, 1952. с. 108). К этому можно добавить и тот факт, что при разнообразных контактах с монголами, найманами и другими монголоязычными общностями XIII в., кереиты великолепно с ними объяснялись, что помимо «Сборника летописей» Рашид ад-Дина отражено и в «Сокровенном сказании монголов» (далее «Сокровенное сказание» или СС) анонимного автора 1240 г. Используя этот довод, Гумилев (1970) говорил о монголоязычности найман. Используя этот же довод, Авляев писал о монголоязычности кереитов: «Из текста "Сокровенного сказания" (Козин, 1941) следует, что кереиты, меркиты и найманы общались с монголами группировки Темуджина только на монгольском языке, другого языка стороны не знали» (Авляев, 1984, с. 31).

Следует заметить, что этногенез различных кочевых групп далеко не так прямолинеен, как предполагает большинство исследователей-гуманитариев и вопрос о лингвистической принадлежности крупных кочевых этнических общностей, не так прост, как можно было бы подумать

на первый взгляд. Этносы и этнические общности XIII в., да и других периодов, могли представлять собой конгломераты различных по антропологическому типу и языковой принадлежности групп, объединенных в политические союзы, состав которых мог быть довольно текуч. При этом в разные периоды удельный вес представителей разных лингвистических групп в составе этих конгломератов мог изменяться. Помимо этого следует принять во внимание возможность перехода некоторых групп с одного языка на другой, который мог осуществляться по разным причинам, в разные периоды и с разной интенсивностью.

Учитывая эти соображения, мы должны согласиться с тем, что стопроцентно установить лингвистическую принадлежность всех членов того или иного союза для большинства периодов, в наши дни, на основании лишь фрагментов информации – довольно сложная задача. Поэтому, даже несмотря на очевидные свидетельства Рашид ад-Дина, мы не можем говорить об исключительном монголоязычии всех частей кереитского союза. Мы можем лишь предполагать монголоязычность, по крайней мере, большей части кереитского, а также меркитского и найманского союзов XIII в., а учитывая легкое чтение этнонима кереит с монгольских языков – изначальное монголоязычие большей или основной части этого объединения.

Продолжая мысль о монголоязычности кереит Авляев пишет: «На тюркских языках значение слова "ворон" звучит как "карга" и этноним "карга" известен в этническом составе ряда тюркоязычных этносов – башкир, казахов, хакасов и т.д. (Кузеев, 1974. с. 332; Радлов, 1929. с. 8.) В прошлом среди башкир даже отмечался особый праздник (обряд) карга-туй, т.е. праздник ворона. Отсюда следует, что монгольский и ойрат-калмыцкий этноним кереит и тюркский этноним карга являются терминами различного происхождения, одинаково отмеченными в этническом составе монгольских и тюркских этносов как самоназвания определенных родоплеменных групп. Их нельзя отождествлять друг с другом» (Авляев, 1984, с. 34).

Соглашаясь с тем, что современные монгольские формы хэрээ, керэ не похожи на современные тюркские харга, карга, караган, мы могли бы предположить что монгольские (хэрээд, керэд) и тюркские (карга, керей,

керай и т.п.) этнонимы обозначают совершенно разные группы, спутанные исследователями из-за близкого произношения некоторых из них. Говорить об этом уверенно конечно же нельзя, хотя соображение о том, что кереит и керей (керай, карай) – разные понятия, могло бы в принципе довольно приемлемо объяснить расхождение монгольского и тюркских толкований. В разрешение этого вопроса не вносит ясности и тот факт, что мы можем ошибаться, пытаясь делать выводы относительно древнего термина исходя из записи современной кириллицей, которая далеко не идеально отображает звуки монгольских и тюркских языков, как современных, так и, по всей видимости, древних. Располагая лишь транскрипционной записью в латинице kereit (либо в некоторых случаях kereid) из текста «Сокровенного сказания» (СС, 1990) нам остается ждать помощи специалистов.

Невозможность отождествить монгольские и тюркские формы слова «ворон», о которой говорил Авляев (1984, с. 34), опровергается конструкцией предложенной монгольским любителем истории и сравнительного исторического языкознания Өөлөд Б. Энхдалаем, предложенной им в декабре 2004 г. Согласно ему, корень слова «ворон» мог звучать как хэрэгэ (кэрэгэ), хирэгэ (кирэгэ), харага (карага). Выпадение звуков могло давать формы **хэрээ (кэрээ), харга (карга)**. С добавлением монгольских окончаний множественного числа корень мог давать формы хэрэгэн (**хэрээн**), хирэгэн, хараган (**караган**); хэрэгэс (кэрэгэс), хирэгэс (кирэгэс, хиргэс, киргэс, **киргис**), харагас (**карагас**); хэрэгүд (хэргүд, кэрэгүд, **кэргүд**), хэрэгэд (кэрэгэд, **хэрээд, кэрээд**), хирэгүд (кирэгүд), харагүд. Б. Энхдалай предположил, что эти формы множественного числа могут объяснить происхождение этнонима киргиз (кыргыз), который вполне мог иметь форму кэргүд, которая является наименованием одного из членов раннего ойратского союза. Владимирцов (1934. с. 131) считал, что под этнонимом кэргүд фигурировали енисейские киргизы.

Относительно этнонима кэргүд в работах Авляева упоминается две версии: кэргүд – енисейские киргизы (Владимирцов, 1934. с. 131) и кэргүд – кереиты (авторство неясно). При этом ни одну из этих версий он не комментирует. Так, в своей статье посвященной кереитам, он пишет, что «По одной из версий "Алтан Тобчи" (при этом ссылка идет почему-то на

Erdeni-yin Tobči, 1961. p. 41. – Х.С.), в состав древнеойратского союза, видимо, входили и *кереиты* (в тексте – "керед-гуд")» (Авляев, 1984. с. 33). При перечислении четырех членов раннего ойратского союза уже в своей монографии Авляев (2002) на странице 189 упоминает о том, что кэргуды «в некоторых списках – кэредгуд» являются *кереитами*; на странице 192 он пишет «кередгуд (*кереит*)», а несколькими строками ниже на той же странице, что союз включал «кэргуд, т.е. *киргизов* с Енисея»; на странице 196 «название "кэргуд" по мнению Б.Я. Владимирцова относилось к енисейским *киргизам*, соседям древних ойратов в IX-XII вв. (древнеойратский племенной союз в составе 4-х основных подразделений – олет, батут, хойт, и кэргуд или же "кюрюнгуд", "*кереиты*")»; а на странице 200 «Владимирцов считал "кэргудов" среди ойратов *киргизами* с Енисея, они входили в союз ойратов до начала XII в. (Владимирцов, 1934. с. 131)». Только на странице 208 читаем «Ранние ойраты включали в свой состав ... кэргудов (возможно и "кереитов" *вместо* них)», из чего следует, что автор, по всей видимости, ни одной из версий предпочтения не отдает. Не вносит ясности и наличие у Авляева различных вариантов этнонима кэргуд (кэредгуд, кередгуд, кюрюнгуд) приводимых без транскрипции в латинице. Мы можем лишь догадываться о том, что эти варианты пришли из разных источников. В целом же, можно констатировать лишь наличие двух гипотез происхождения термина кэргуд без каких-либо объяснений по этому поводу.

Между тем, конструкция, исходящая из корней хэрэгэ, хирэгэ, харага, делает предположение кереит=киргиз возможным, по крайней мере, филологически. Гипотеза Б. Энхдалая интересна тем, что помимо этнонима киргиз, возводит к значению «ворон» ряд форм, соответствующих этнонимам в современных монгольских и тюркских языках, среди которых например этноним карагас. Однако отсутствие специального образования заставляет ждать рассмотрения предложенной конструкции соответствующими специалистами. И если у лингвистов не будет возражений против нее, то построение кереит=киргиз могло бы многое объяснить.

1.2. Возможные предки

Относительно возможных предков кереит существует несколько гипотез:

1. Викторова (1980. с. 197) отождествляет кереитов с тюрками-**шато**, название которых с китайского переводится как «ворон».

2. Авляев (1984. с. 35, 38) предполагает, что цзубу (в состав которых входили кереиты) выделились из монголоязычных **отуз-татар** (шивэй, потомков сяньби) во второй половине IX в., которые до этого, наряду с тюркоязычными он-уйгур, токуз-огуз и некоторыми самодийскими племенами входили в состав Уйгурского каганата (745-840). В качестве информации к размышлению он приводит высказывание Викторовой: «В Монголии и древнетюркские изваяния встречаются с запахнутой на право одеждой. Это вполне соответствует указанию письменных источников на то, что в составе каганатов были не только собственно тюрки, но и другие, в частности монгольские племена. Так, кидани, шивэй, хи были обязаны платить тюркам дань "кровью" служить им и в их войсках. Занимавшим высокие посты иноплеменникам тоже ставили скульптурные изваяния» (Викторова, 1978. с. 13).

3. Тынышпаев (1925, с. 14) пишет о кереитах, как о племени, «которое в самом начале происходило от гуннов, т.е. тюрков и с течением времени омонголилось».

4. Кадырбаев (1990. с. 35-36) пишет о возможном происхождении кереитов от канглы и огузов, попутно указывая на китайское сочинение «Менуэр-шицзы» в котором говорится: «Кераиты были предками канглы. Западные именовались канглы, восточные кераитами».

5. Дарваев (2003. с. 9) считает, что кереит соответствует хуннскому роду **сюйбу** упоминаемому Гумилевым (1960. с. 75). Однако Гумилев пишет, что слово сюйбу, обозначавшее один из трех знатных хуннских родов (Бичурин, 1950. с. 49) эпохи шаньюя Модэ (209-174 гг. до н.э.), является тюркским словом со значением «край» (Цюй Юань, 1954. с. 29-40).

6. По реконструкции Ринчендаваа и Сухбаатара монгольское хэрээн (хэрэйд) возводится к **хелян** (роду у хунну, тоба и сяньби) (Сухбаатар, 1980).

Воздерживаясь от комментариев к изложенным гипотезам, обратим внимание на наиболее ранние сведения о собственно кереитах. У Тынышпаева (1925. с. 14) со ссылкой на Аристову говорится, «что керей как народ упоминается в китайской истории в IX в.». Викторова (1960) пишет, что наиболее ранние сведения о кереитах домонгольской эпохи содержатся в «Ляо ши», где упоминается о группировке цзубу, в которую входили кереиты, найманы и меркиты. В очерке истории Казахстана (История Казахстана ..., 1993. с. 73) отмечается, что наиболее ранние сведения о кереитах в письменных источниках относятся к началу X в. и связываются с племенами центральной группы цзубу.

Глава 2. Цзубу

2.1. О термине

По поводу того, кем были цзубу, имеется ряд дополняющих друг друга мнений, в большинстве своем не противоречащих друг другу. До нас дошли различные термины, обозначавшие эту группу или союз племен, что неудивительно, поскольку соседями цзубу являлись разные в лингвистическом плане народы. Наименования известные нам помимо **цзубу**: **шивэй** (исходная группа, из которой выделились предки цзубу), **татар** (дада, да-дань) и **согпо** (сог-по, sog ro).

Согласно Суй Шу («Истории Династии Суй»), «живущие на юге называются киданями, живущие на севере – шивэйцами» (Вэй Чжэн, 1984. гл. 84). Суй (581-618) (История Китая, 1998). У Гумилева (1970) имеется ясное указание на то, что цзубу были ветвью **шивэй**. Он пишет, что «кидани, сознавая этническое родство и культурную разницу, числили их в своих книгах как кочевников, тогда как их соплеменники, оставшиеся на берегах Амура, продолжали называться шивэй». Он замечает, что кидани были ветвью этого же народа, передвинувшейся на юг и воспринявшей

изрядную долю культуры Срединной империи, которую мы стали называть именем ее врагов – Китай. Викторова (1980) считает, что «название "татары" сунских авторов было не этническим, а собирательным», а вместо «дада» традиционно продолжал использоваться термин «шивэй» (Викторова, 1980. с. 15). Пиков, в своем обзоре киданьской истории (Пиков, 1996) пишет, что в киданьских источниках (Ляо ши, Цидань го чжи) термины «цзубу» и «шивэй» четко различаются.

Таким образом, мы видим, что на момент существования киданьского государства имелось по крайней мере три ветви шивэй, стоявшие на разных ступенях общественного развития: шивэй, жившие на Амуре и известные под старым названием; цидань (кидан), построившие по образцу Срединного государства свое государство Ляо (Железное) и включившие в его состав значительную долю иноэтничного населения; цзубу, по всей видимости раньше других шивэй ушедшие на запад и находившиеся на пути создания своего государства.

По поводу термина «дада» Пиков (1996) пишет, что помимо сунских авторов термин «татар» встречается в орхонской надписи 731 г. (Радлов, 1895). Васильев (1997) считает, что для VIII-IX вв. «татар» – тюркское наименование племён шивэй. Гумилев (1970) указывает, что в VIII в. этноним татар обозначал небольшой народ, родственник киданям и татабам, но отличный от них. В XII в., после того как татары на некоторое время захватили политическую гегемонию в степях, их именем стали называть все степное население. Абзацем ниже он отмечает «До XII в. гегемония среди племен Восточной Монголии принадлежала татарам». В другом месте он уточняет, что в начале XI в. часть шивэй ушла от власти киданей на юг, к горам Иньшань, а затем распространилась на запад до реки Керулен. Со временем численность татар выросла и к середине XII в. они становятся наиболее сильным объединением в степи. Их кочевья занимают районы озера Буир-Нор и реки Халхин-Гол, а также часть современной Внутренней Монголии. В этот период этноним «татар» получает расширительное значение.

Грумм-Гржимайло (1926) полагает, что татары пришли с востока и заселили земли, оказавшиеся свободными после разгрома уйгурского ханства.

Пиков пишет, что в китайских текстах термин «дада» упоминается с 842 г., а по некоторым данным (Shott, 1879), даже с 4 в. н.э..

Кроме китайских сочинений и орхонской надписи этноним татар встречается в персидском географическом сочинении «Худуд ал-Алам» (982 г.) и киданьской «Ляо ши» (Пиков, 1996). Ван Говэй отмечает редкое использование слова «дада» в «Ляо ши» (Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949. p. 101)

Таким образом, по Грумм-Гржимайло (1926) татары широко расселились с востока по территории бывшего Уйгурского ханства после его падения (840 г.), а в XII в., по Гумилеву (1970) они стали доминировать не только на территории современной Восточной Монголии, после чего древнее имя татар распространилось на всех или, по крайней мере, большинство кочевников. Судя по замечанию Васильева (1997) о том, что в VIII-IX вв. татары – тюркское наименование шивэй и Гумилева (1970) о родственности татар и киданей, татары наряду с киданями являлись разными ветвями шивэй.

Относительно **согпо** Гумилев (1970) со ссылкой на Ван Говэя отмечает, что «слово **татар** в эпоху Сун в Китае считалось уничижительным и потому в империи Ляо не употреблялось. Вместо этнонима применяли описательный термин тибетского происхождения согпо - пастухи или кочевники».

Ли Фанцзюнь (Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949. p. 101) предполагал, что **согпо** – потомки ираноязычных согдийских колонистов, составлявших значительную часть населения центральноазиатских городов в тюркское и уйгурское время (Викторова, 1980). Но, по всей видимости, он ошибался. Монголоязычные группы вообще, в Тибете традиционно называли хор

(хор-по, hor po) либо сог (сог-по, sog po), кроме этого этнонимом **сог-по** тибетцы обозначали уйгур и другие тюркские группы Джунгарии и Восточного Туркестана, потом он был перенесен ими на ойрат, которые заселили эти территории позже (Китинов, 2004. с. 55-56). Как видим, этноним согпо (как и хорпо), действительно можно понимать так, как это трактует Гумилев – кочевники вообще.

Гумилев (1970) пишет, что непонятному для киданей слову **согпо** соответствовал принятый у них термин, передававшийся, по мнению Виттфогеля (Wittfogel, Feng Hsia-sheng History, 1949), китайскими иероглифами как **цзубу**. По мнению Дарваева наименование цзубу «было образовано от монгольского "сыбу-шибу" (sibayu(n) старописьм. монг. – Х.С.), что означало "птицы", т.к. основу этого племенного объединения составляла часть тюрок-шато, представлявших "черных воронов" и ставших известными потом под этнонимом "кереит"» (Дарваев, 2003. с. 24). В части возведения кереитов к тюлкам-шато эта гипотеза совпадает с гипотезой Викторовой (1980. с. 197). Мы не можем подтвердить или опровергнуть ни мнение Виттфогеля, ни мнение Дарваева и нам остается лишь ждать, когда на этот вопрос обратят внимание специалисты. В отличие от мнения Фэн Шэн-шуна считавшего цзубу коллективным наименованием многих центральноазиатских народов (Wittfogel, Feng Hsia-sheng, 1949. p. 102) и других подобных мнений Викторова полагает, что цзубу – самостоятельный тюркский народ, потомки хуннов (Викторова, 1961. с. 12.). Однако Гумилев (1970) считает, что поскольку не учтен тысячелетний хронологический разрыв, эту гипотезу, можно пожалуй не рассматривать. Неясно считает ли Викторова (1961) цзубу единым народом, но если так, то в другой своей работе, приводя состав этого союза (Викторова, 1960. с. 164-165), она, по всей видимости, имеет другую точку зрения.

Указание на то, что **цзубу** это киданьское наименование **татар** имеется в ряде работ. По мнению Ван Говэя, приведенному Пиковым (1996) термин цзубу используется в «Ляо ши» вместо слова «дада» (татары), которое в данном сочинении встречается всего несколько раз

(Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949. p. 101). Мнение этого же китайского исследователя, уточняется у Гумилева (1970) «цзубу – киданьское наименование татар, потому что это название исчезает вместе с киданями (Wittfogel, Feng Hsia-sheng History, 1949. p. 50)». Тезис о тождественности татар и цзубу подкрепляется и другими фактами. «По мнению китайского исследователя Ван Цзинчжу (1931), татары идентичны цзубу, а слово "цзубу" используется со времени Цзинь. ... в ляосской надписи, опубликованной в 1934 г., прямо сообщается о победе над "дада". Описание этой победы очень напоминает рассказ "Ляо ши" о длительной борьбе киданей с цзубу (25 цз.)» (Пиков, 1996).

Упоминая цзубу, Гумилев (1970) сообщает: «Тюркоязычные соседи (голубые тюрки и уйгуры) называли их татарами, мусульманские авторы фигурально именовали их тюрками Китая (Туркон-и-Чин) (Ибн ал-Асир, цит. по: Григорьев, 1873. с. 282-283). Далее он пишет: «мусульманские авторы, сообщая о переходе в ислам десяти тысяч шатров тюрков, кочевавших на территории современного Казахстана, отмечают, что "неверными остались только татары и хатаи (кидани)" (Ибн Ал-Асир и Абульфедда – см.: Бартольд, 1893. с. 22-23.), подтверждая тем самым тождество цзубу и татар. Очевидно, в понятие татар входили кераиты и басмалы, которые в отличие от карлуков не стали мусульманами. Это значит, что этноним татар уже получил собирательное значение».

2.2. Состав цзубу

Учитывая соответствие татар–цзубу, многозначность этнонима татар и его собирательное значение мы можем предполагать довольно пестрый состав этого объединения. Относительно **состава** группы или союза племен цзубу существует несколько мнений.

1. Гумилевым (1970) приводится мнение Ван Говэя, который «считает, что цзубу – киданьское наименование татар, потому что это название исчезает вместе с киданями, а на той же самой территории живут **кераиты, найманы, меркиты**, "словно они внезапно обрели историческое значение" (Wittfogel, Feng Hsia-sheng, 1949. p. 50)». Тот же состав цзубу

приводится Викторовой (1960. с. 164-165).

2. Фэн Шэн-шун считает цзубу «коллективным названием для многих срединноазиатских народов: восточные цзубу, по его мнению, – это **джелаиры и татары**, западные – **найманы**, северные – **кераиты**, но кто такие северо-западные – он не знает» (Wittfogel, Feng Hsia-sheng, 1949. p. 102, цит. по: Гумилев, 1970).

3. Рассматривая мнения Ван Говэя и Фэн Шэн-шуна Гумилев (1970) говорит о том, что их можно принять, однако по поводу найманов и меркитов пишет следующее «найманы и меркиты, действительно появились поздно, не раньше XII в., и, видимо, тогда они и образовались». Отмечая то, что с XII в. именем небольшого прежде народа татар стали называть все степное население от китайской стены до сибирской тайги, он пишет, что кроме собственно татар в степи жили и другие племена, часть которых известна, а от части остались только имена в киданьских источниках, которые невозможно отождествить. Среди перечисленных племен, которых «кидани называли цзубу, а китайцы да-дань, т.е. татар», им упоминаются **кереиты**, зафиксированные уже в начале XI в.; на месте будущих кочевий найманов народ **тикин** (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 139-140, прим. 2), вероятно потомки древних тюрок, укрывшихся в горах Алтая (Гумилев, 1959); **меркиты** и **ойраты** в горной тайге Саянского хребта; **басмалы** на территории будущей Джунгарии; **далиди**, о которых ничего не известно, кроме того, что они погибли; уцелевшие от резни **шато** в степях Чахара; **дансян**, не вошедшие в государство Тангут, севернее Ордоса. Принимая во внимание размеры территории, на которой Гумилев локализует цзубу, можно предположить, что племен входивших в это понятие было больше, и приведенный им список неполон.

Ссылаясь на средневековых китайских историков, Гумилев пишет, что исходя из собирательного значения термина татар, их делили на белых, черных и диких (Васильев, 1857. с. 216). Белыми татарами, большую часть которых составляли тюркоязычные **онгуты** (потомки шато), назывались группы, жившие южнее пустыни Гоби, вдоль китайской стены. От киданей и китайцев они усвоили элементы цивилизации взамен утраченной самостоятельности. Эти кочевники одевались в шелковые одежды, ели из фарфоровой и серебряной посуды, имели наследственных вождей,

обучавшихся китайской грамоте и конфуцианской философии. Черные татары, в том числе и кереиты, жили вдали от культурных центров. Кочевое скотоводство обеспечивало им достаток, но не роскошь, а подчинение «природным ханам» – независимость, но не безопасность. Дикие татары Южной Сибири жили охотой и рыболовством, не знали даже ханской власти и управлялись старейшинами. К числу «диких» племен, относились древние урянхай, жившие в Восточной Сибири, народ тунгусско-чжурчженьской ветви уги – на Амуре (Грумм-Гржимайло, 1926. с. 169), а также многочисленные лесные народы, обитавшие севернее Саянского хребта. Гумилев сомневался, входили ли последние в понятие цзубу, но по поводу прочих перечисленных таких сомнений у него не было. Монгол – будущих основателей великой империи он локализовал на границе между черными и дикими татарами, как переходное звено. При этом, хотя он и относил их к числу татар, из объединения цзубу он их исключал. Как видим, в основе классификации на белых, черных и диких лежали расстояния до киданьских и китайских городов и сложность общественного устройства.

4. Пиков (1996) выделяет в составе цзубу три группы (западная, северная и северо-западная), но не называет их. При этом он отмечает, что «Племена, входившие в их состав, различались по уровню своего социально-экономического развития. Для большинства из них характерно разложение первобытно-общинных отношений, о чем свидетельствует выделение правящего рода, родовой верхушки. Отмеченные в китайских источниках наименования титулов и должностей позволяют прийти к выводу о серьезном политическом влиянии южного соседа – киданьской империи. Ляосское государство вынуждено было мириться с мощью племен, признавая право их вождей представлять подчас весь племенной мир степей».

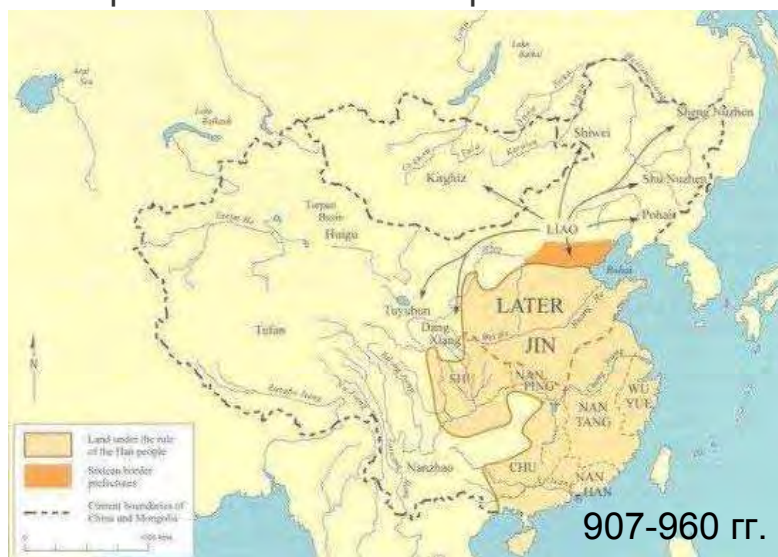
5. По версии Авляева (1984. с. 35) «Кроме **кереитов** (центральная группа) в цзубу входили **найманы** (сев.-зап. группа), **меркиты** (сев. группа), **согдийцы** (сог-по)». Относительно согдийцев, Авляев, видимо, не будучи лингвистом ошибается, повторяя скорее всего неверное мнение Ли Фанцзюня (Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949. p. 101.). Как уже упоминалось тибетское согпо означает монгол (в этом случае, кстати, можно

предположить что в состав цзубу входила онон-керуленская группа «хамаг монгол»), либо в широком смысле кочевник. В остальных пунктах он повторяет Ван Говэя (Wittfogel, Feng Hsia-sheng, 1949. p. 50) и Викторovu (1960. с. 164-165), дополняя названия членов союза цзубу их локализацией. Отмечая, что «Центральную группу цзубу исследователи отождествляют именно с кереитами» Авляев (1984. с. 32), к сожалению, не указывает источники. Что за исследователи отождествляют с кереитами центральную группу цзубу и на чем они основываются, нам остается неизвестным, однако, судя по тексту можно предполагать, что эту мысль он почерпнул в монографии Викторовой (1960). К сожалению Авляев ограничивается лишь изложением своей версии, но не ее объяснением, что вызывает вопросы на которые мы не находим ответа. Почему сог-по фигурирует как один из членов цзубу, в то время как по Виттфогелю сог-по(тиб.)=цзубу(кид.)? Почему сог-по не имеет локализации в отличие от других групп? Если исходить из толкования кочевник, то почему три остальные группы называются своими именами, а четвертая лишь по роду занятий? Если исходить из толкования монгол, то почему же эта группа не фигурировала под своим оригинальным, а не тибетским названием?

На основании изложенного выше мы можем заключить следующее:

По Суй шу (Суй 581-618) кидани являлись южной ветвью шивэй. У сунских авторов (Сун 960-1127, 1127-1279) термины шивэй и дада (татар) были взаимозаменяемы. Сунское дада было собирательным термином. Таким образом, татары и кидани скорее всего являлись разными ветвями шивэй.

Сам этноним татар встречается с IV в. н.э., но широкое распространение получил в XII в. До этого его носители доминировали на территории современной Восточной Монголии. По Гумилеву (1970) до XII в. китайские историки включали

в понятие татар и монголов, на начало XIII в. татар и монгол были синонимами, а на протяжении XIII в. татар стали рассматривать как часть монгол.

Киданьские источники (Ляо 907-1125) четко различают цзубу и шивэй. Гумилев (1970) указывает, что цзубу считались киданями родственной группой, что в свою очередь говорит о том, что цзубу наряду с киданями также являлись ветвью

шивэй (по видимости западной или юго-западной). Имеются свидетельства того, что название татар применялось к цзубу в Ляо. Татарами называли цзубу также тюркоязычные и мусульманские авторы.

По мнению Ван Говэя слово татар заменялось в Ляо тибетским согпо (sog ro), которым сами тибетцы обозначали монголоязычных и тюркоязычных кочевников. По Виттфогелю (Wittfogel, Feng Hsia-sheng History, 1949) термин согпо передавался киданями как цзубу.

По версии Дарваева (2003) термин цзубу восходит к монгольскому sibayu(n).

Относительно состава группы или союза цзубу существуют разные мнения. Несмотря на то, что эти мнения отличаются, все авторы упоминают в составе цзубу кереитов. В перечисленных вариантах кереиты называются либо северной, либо центральной группой. Эту неопределенность можно объяснить перемещениями кочевий, вызванными политическими (войны) и/или климатическими факторами (такими как засухи или увлажнения степей).

2.3. Локализация цзубу

Помимо Гумилева (1970), локализовавшего цзубу на землях «от китайской стены до сибирской тайги», сведения об их территории мы

железа и меди, опасаясь что они могут усовершенствовать свои орудия труда, оружие, а также наладить выпуск фальшивой монеты (сер. XI в.). Ляосское государство вынуждено было смириться с мощью племен, признавая право их вождей представлять, подчас весь племенной мир степей. Некоторые свидетельства позволяют думать, что цзубу активно участвовали в торговле со многими племенами и народами Восточной Азии, возможно, даже с Кореей (ЛШ, цз. 3)».

2.5. История цзубу

История союза цзубу освещена в источниках, в основном, в связи с их отношением к государству Ляо (907-1125). На протяжении большей части существования этого государства цзубу находились в вассальной зависимости от него. Судя по всему, цзубу находились на периферии интересов киданей, которые боролись с Сун, Кореей и чжурчженьскими племенами. Периоды подчинения кочевников сменялись периодами военных действий, которые Гумилев (1970) называл войнами за независимость, а Пиков (1996), видимо по киданьским источникам, – мятежами. Несмотря на подчиненное положение, цзубу были мощным союзом, еще в начале X в. имевшим предпосылки для образования собственного государства, представлявшего большую потенциальную опасность для Ляо (Пиков, 1996). Цепочка немногочисленных сведений по истории этого союза очерчивает приводимую ниже картину.

Анализируя обстановку на стыке тысячелетий Гумилев (1970) допускает что в X в., на территории современной Монголии существовала пустыня. Предположение следует из того, что письменные источники не упоминают тут никаких государств, что означало либо полное отсутствие населения, либо крайнюю его разреженность. В XI в. климатические условия изменились, степи опять зазеленели и кочевники получили перспективы для развития скотоводства и роста народонаселения. С конца X в. степь заселяется снова, на этот раз из Приамурья.

Эмиграция была вызвана не климатическими изменениями, а курсом на китаизацию проводившимся киданьским правительством. Среди несогласных была группа бывших шивэй, известная под именем татар,

которая в начале XI в., передвинулась на юг, к горам Иньшаня, а как только стало возможно, распространились на запад, до Керулена (Гумилев, 1970).

В первые годы существования киданьского государства цзубу не были предметом беспокойства для киданей и традиционно продолжали поставлять ежегодную дань. Так в **918** г. цзубу вынуждены были поставить в Ляо 20 000 лошадей (ЛШ, цз. 60).

В **924** г. киданьский император Амбагань (Елюй Амбагай, Абаоцзи) выступил на запад, против тогонов, дансянов и цзубу. На цзубу был послан отдельный отряд под командованием принца крови. Принц и его войско разграбили всю область, населенную цзубу, и покорили племена на хребтах Хомушэ и Феотутшань (Conon von der Gabelentz, 1877. p. 25). Гумилев (1970) предполагает, что если Хомушэ – это Хамар-дабан, то киданьские войска опустошили всю Восточную Монголию, прежде чем дошли до развалин уйгурской столицы Карабалгасуна.

В **942** г. Елюй Абаоцзи совершил военную экспедицию против восставших цзубу и союзных им племен. «Поводом для восстания цзубу послужили, видимо, чрезмерные требования дани со стороны киданей... На землях цзубу были созданы три наместничества, в которых появилась двойственная система управления. Власть правителя, назначенного из местных племенных вождей или старейшин, контролировал представитель центрального правительства из киданьских родов Елюй и Сяо. Здесь размещались отряды, состоявшие из киданей, бохайцев, си и других племен. Монгольскими археологами (Пэрлээ, 1974) были обнаружены развалины укрепленных городов, построенных киданями, крупнейшим из которых был г. Хэдун» (Пиков, 1996).

В **966** г. шивэй известные под именем татар заключили союз с империей Сун (Бичурин, 1950. с. 376-377), направленный против киданей.

Во второй половине X в. киданьское государство успешно воюет на два фронта. В 979 г. одержана победа над китайской армией, которая была разбита и отброшена на свою территорию. А в **984-985** гг. были разгромлены чжурчжэни. Одновременно киданьская армия, посланная на запад, после очередного «мятежа» цзубу в **983-984** гг. (Пиков, 1996)

разгромила их, причем погиб вождь кочевников, носивший титул далай-хан (Wittfogel, Feng Hsia-sheng, 1949. p. 581, 583).

1000 г. — «мятеж» цзубу (Пиков, 1996).

В **1003** г. кидани соорудили на берегу Орхона крепость Хотунь, для наблюдения за кочевниками (Гумилев, 1970).

В **1007** г. киданьский отряд обратил в бегство цзубу, напал на уйгурские поселения в современном Ганьсу, но свирепость киданей вызвала восстание всех кочевых племен в тылу (Гумилев, 1970).

Согласно Абуль Фараджу в том же 1007 г. глава кереитов обратился к несторианскому митрополиту Ебед-Иещу в г. Мерв (город в Хоросане, исторической области Восточного Ирана, ныне в Туркмении – Х.С.) с просьбой принять его в христианскую веру вместе с народом, насчитывавшим 200 000 чел. (Д’Оссон, 1937. с. 53). В Истории Казахстана (1993. с. 73) отмечается, что в 1007 г. кереиты приняли христианство вместе с найманами. Таким образом, значительная часть союза цзубу христианизируется.

По Груссе крещение кереитов происходит в 1009 г. (Grousset, 1960. p. 245). Гумилев (1970), опирающийся на Груссе, отмечал, что согласно легенде христианство приняло 200 000 человек, которых с учетом детей и стариков было вдвое больше. Он также приводил любопытные подробности этого события: «Согласно легенде, обращение кераитов произошло вследствие того, что кераитскому хану, заблудившемуся в пустыне, явился св. Сергей и указал путь домой. Хан крестился со всем своим народом и получил имя Маргуз (Марк). Об этом событии был немедленно уведомлен мервский митрополит, к которому поступил запрос: как соблюдать посты кочевникам, не имеющим растительной пищи вообще. Митрополит запросил об этом важном каноническом казусе несторианского патриарха в Багдаде – Иоанна VI (умер в 1011 г.) и переслал кераитам разъяснение, что в пост надо воздерживаться только от мяса, а молочные продукты можно употреблять в пищу».

В **1012** г. происходит очередной «мятеж» цзубу (Пиков, 1996). По Гумилеву (1970) в начале **1013** г. против киданей восстали татары и дансяны (тибетоязычные миняги, смешавшиеся в предгорьях Наньшаня (Западное Ганьсу) с остатками хуннов, тюрок и тогонцев (южная ветвь

монголов), у монголов назывались «тангуты»). Не достигнув реальных успехов, они ушли в глубь степей, снова став независимыми.

В результате восстания всех приамурских племен в **1014** г. и консолидации кочевников после принятия христианства, киданьское правительство пожаловало вождю цзубу по имени Уба титул царя. После этого наступил двенадцатилетний мир, нарушенный позже киданями (Гумилев, 1970). Гумилев предполагает, что Уба – христианское имя Увар, принадлежащее общему для несториан и православных святому.

Заклучив в 1020 г. мир с Кореей, кидани двинулись против уйгуров и захватили г. Ганьчжоу. Пришедшие на помощь тангуты отразили киданьское войско, после чего сами взяли Ганьчжоу и присоединили его к своим владениям (Бичурин, 1833. с. 21). Пока киданьское войско двигалось из Маньчжурии в Ганьсу через степи, оно, очевидно, грабило местное население, и потому объединенные кочевники напали на отступавших киданей и нанесли им значительный урон (Wittfogel, Feng Hsia-sheng, 1949. p. 588). В **1026-1027** гг. восстали все племена, входившие в состав союза цзубу. Они разгромили несколько экспедиционных корпусов киданей (Пиков, 1996). Ободренные успехом, они попытались вторгнуться в исконные киданьские земли, но были обращены в бегство регулярными войсками (**1027**). После этого мир был восстановлен, и надолго, потому что силы киданей были брошены на подавление восстания в Бохае (1029-1030) (Окладников, 1959. с. 209).

В очередном конфликте киданей с тангутами в **1049** г. кочевники сами пригнали киданям коней для кавалерии. В это время у кочевников был уже «великий царь» (Wittfogel, Feng Hsia-sheng, 1949. p. 591), т.е. объединение степи было закончено (Гумилев, 1970).

В **1069** г. следует очередное восстание по «Ляо ши», или война с империей по Гумилеву (1970). Восстание было подавлено с помощью императорской гвардии (Пиков, 1996). Киданям удалось поймать вождя кочевников и доставить его для наказания в свое северо-западное управление (Гумилев, 1970). Тогда император Ляо наложил запрет на продажу железа цзубу и уйгурам (Григорьев, 1873. с. 276).

Война не прекращалась до **1086** г., пока киданьский принц Елюй Женьсянь, командовавший западной армией, не получил распоряжения

«относиться по-дружески к вождю цзубу», после чего последний заключил с империей Ляо мир (Wittfogel, Feng Hsia-sheng, 1949. p. 593). С тех пор и почти до конца династий Елюй (1112) цзубу платят дань киданям, но взаимоотношения их порой были весьма острыми (Пиков, 1996).

В **1089** г. во главе цзубу встал энергичный полководец и политик Могусы (Гумилев, 1970; Пиков, 1996).

Пиков (1996) пишет, что в **1092** г. кидани отправили экспедиционный корпус на одно из северных племен, попутно киданьский полководец совершил рейд против северных цзубу. Гумилев (1970) же считает, что в 1092 г., когда киданьский принц Елюй Алусаогу неизвестно по какой причине напал на северных цзубу (кереитов), начался последний этап войны. Могусы призвал из Джунгарии басмалов. Во 2-м месяце **1093** г. он, разгромив посланные против него войска, вторгся на территорию Ляо, нанес сокрушительное поражение посланной против него армии и тем спровоцировал выступление ряда внутренних племен (Гумилев называет только приамурское племя уги). В 1094 г. один из его помощников отогнал киданьский скот и табуны, пасшиеся на западной границе. С огромным трудом и помощью других племен «мятеж» Могусы был подавлен к концу **1095** г. В 1097 г. новые вожди, по всей видимости, распавшегося союза, находившиеся в пределах досягаемости войск Елюя Алусаогу, просили мира и возвращения территории, захваченной киданями (Гумилев, 1970; Пиков, 1996). Пиков (1996) пишет, что цзубу «снова были переселены на другие земли», часть населения попала внутрь империи. Тангуты, ударив в тыл кочевников, победили и вывели из войны басмалов, закончив эту операцию в **1099** г. (Кычанов, 1968. с. 219).

В начале **1100** г. Могусы был захвачен, отвезен в Среднюю столицу империи Ляо и во 2-м месяце изрублен на куски на рынке в присутствии толпы (Гумилев, 1970; Пиков, 1996). При этом «Объединение кочевых племен распалось, но малая война продолжалась до **1119** г., т.е. после того, как империя Ляо зашаталась под ударами чжурчжэней, восставших в 1114 г.» (Гумилев, 1970).

«В **1119** г. вождь цзубу Бушучжи, воспользовавшись войной киданей и чжурчжэней, поднял восстание и освободился из-под власти Ляо. При чжурчжэньской династии Цзинь цзубу неоднократно совершали нападения

на владения империи, но вынуждены были, в конце концов, подчиниться» (Пиков, 1996).

В **1125** г. расшатанное войнами Ляо, пало под натиском чжурчжэней, поставив уже разрозненных кочевников перед лицом нового врага (Гумилев, 1970).

В **1129** г. Елюй Даши с остатками войск покинул крепость Хотунь, где укрывался с осени 1124 г. Достигнув г. Бишбалыка, в предгорьях Тянь-Шаня он подсчитал свои силы. Среди примкнувших племен называются и цзубу (сдавшиеся и зачисленные в киданьские войска татары), по всей вероятности осколок объединения распавшегося за 30 лет до этого. Имелась и другая часть цзубу – татары вольные, которые перешли на сторону противника, т.е. чжурчжэней (Гумилев, 1970).

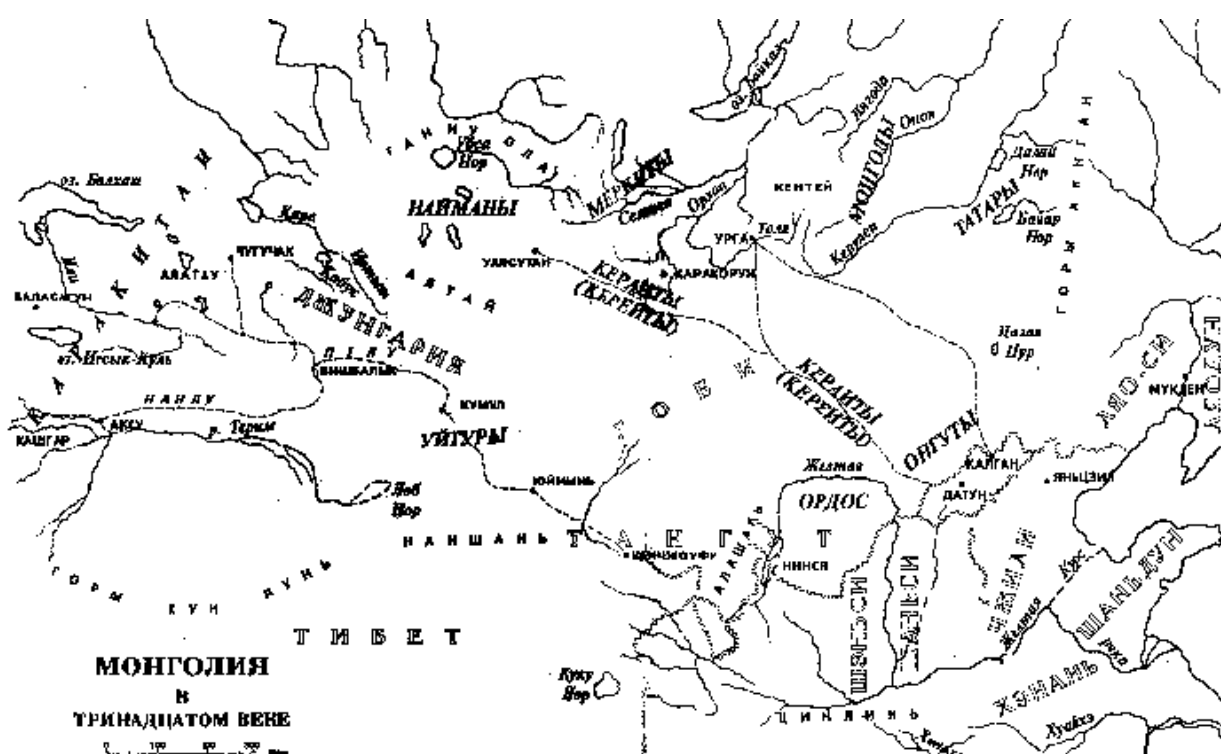
Таким образом, мы видим, что в конце 20-х гг. XII в. цзубу оказываются разделенными между политическими противниками – чжурчжэнями и киданями. По крайней мере, киданьская часть цзубу, оказывается в данный период на значительном расстоянии от мест исходных кочевий начала XI в. История ушедших на запад, как и история вставших на сторону чжурчжэней нам неизвестна. Нам также неизвестно, встали на сторону чжурчжэней все оставшиеся цзубу или только их часть. Однако можно предполагать, что основная часть цзубу (и конкретно кереитов) была вне чжурчжэньско-киданьской борьбы и, по всей видимости, осталась на местах основных кочевий. Викторова (1960) пишет, что после падения киданьской империи Да Ляо в **30-х гг. XII в.** ведущая роль в Центральной Азии перешла к кереитам, а кереитские и монгольские земли остались фактически независимыми от империи Цзинь.

Глава 3. Кереит

3.1. Локализация кереит

Сведения о локализации собственно кереит мы находим у Рашид ад-Дина, который пишет об их кочевьях: «[по рекам и озерам] **Онон, Кэлурэн, Талан-Балджиус, Буркан-Калдун, Кукана-наур, Буир-наур, Каркаб,**

Куйин, Эргунэ-кун, Калайр, Селенга, Баргуджин-Токум, Калаалджин-Элэт и Уткух, кои смежны с Китайской стеной. [Все народности] по настоящее время сидят и сидели [на всех этих местах] по [искони] обусловленному [древним обычаем] постановлению» (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 74). В другом месте он отмечает «Они [представляют] собою род монголов; их обиталище есть [по рекам] **Онону и Кэрулэну**, земля монголов. Те округа близки к границам хитайской страны. [Кераиты] много враждовали с многочисленными племенами, особенно с племенами найманов» (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 127). В примечании к тексту Рашид ад-Дина дается привязка к современным топонимам: «р. **Онон** – правый приток р. Шилки, из слияния которой с р. Аргун образуется р. Амур; р. **Керулен** – берущая начало в горах Кентей, протекает в равнинной Монголии и впадает в озеро Далай-нор, или Хулуны; **Талат-Балджиус** – повидимому, современный Долон, гористая местность к юго-западу от Урги, второе название затрудняюсь определить; **Буркан-Калдун** – возможно, современный горный узел Кентей (Гентей) – "древняя Бурхан-ола" (где есть р. Бурха – правый приток Онона, последняя горной цепью отделяется от р. Куйтун); такое же название носит и незначительная река – по-монгольски Хуйтун, – сливающаяся с Шара-гол, правым притоком Орхона, так что возможно, что приводимый здесь географический термин обозначает Бурхан-Куйтун; **Кукана-нор** (в ркп. С, L, I – Кука-наур; в ркп. В и

у Березина – Кукэ-наур); **Буир-нор** – озеро к югу от вышеназванного озера Далай-нор; **Каркаб** – может быть, соответствует урочищу Хара-хаба в Северной Монголии; **Куйин** – вероятно, соответствует долине р. Куин-гол, правого притока р. Толы, но с другой стороны имеется р. Хойн-гол (Куй-гол), левый приток р. Имин-гол в Барге; **Эргунэ** – вероятно, р. Аргун (Аргунь), вытекающая из оз. Далай-нор (Хулун) и на севере сливающаяся с Шилкой; **Калайр** – быть может, современная долина р. Хайлар; **Селенга**, река, впадающая в оз. Байкал; **Баркуджин-Тукум** – возможно, современный Баргузин – один из главных притоков Байкала с известной Баргузинской степью; **Калалчин-Алат** – неизвестная мне местность (быть может, второе слово следует читать олот, ибо арабское начертание допускает такое чтение), и **Уткух** (в ркп. В и у Березина – Унгух, что Березин читал как "Унгу") – обычно: районы Великой Китайской стены» (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 74)

Гумилев (1970. с. 106) размещает **кереит** на берегах **Орхона**, **Толы** и **Онгина**, «на том самом месте, где некогда утверждали свои державы хунны, тюрки и уйгуры».

В Истории Казахстана (1993. с. 73) упоминается, что «На западе от кереитов жили найманы, на севере – меркиты, на востоке – татары, на юге – тангуты. Предводители кереитских племен имели две резиденции, северную, в г. Хатун-Балык на р. **Орхон** и южную – севернее излучины р. **Хуанхэ**».

По Авляеву «Кереитское ханство охватывало земли от **верховьев Селенги** на севере до **излучины Хуанхэ** на юге, от **Хангайских гор** на западе до земель унгиратов и татар в **районе Буир-Нора** и **Халхин-гола** на востоке. На севере кереиты граничили с монголоязычными ойратами и меркитами, на западе – с найманами, на юге с тангутами государства Си-Ся и подчиненных им тогонами или "а-ша"» (Авляев, 1984. с. 32-33). В другой своей работе он уточняет «На севере кереиты граничили с древними ойратами, на западе с монголоязычными найманами, на востоке с меркитами, на юго-востоке и на юге их кочевья граничили с киданями и тангутами государства Си-Ся (западное Ся)» (Авляев, 2002. с. 104).

3.2. Численность кереит

Гумилев замечает, что кереиты были самым крупным и самым культурным из монголоязычных народов Центральной Азии (Гумилев, 1970. с. 106). Оценки их численности колеблются очень сильно. Так, «По Харузину ("К вопросу о происхождении киргиз") в X в. численность кереев доходила до 1 000 000 душ» (Тынышпаев, 1925. с. 14). На начало XI в. Д'Оссон и Груссе пишут о 200 000 человек (Д'Оссон, 1937. с. 53; Grousset, 1960. р. 245). Гумилев (1970) считает, что их было вдвое больше.

3.3. История кереит

3.3.1. Домонгольский период

Несмотря на фактическую независимость от Цзинь, кочевники по всей видимости номинально подчинялись новой империи.

«У деда Он-хана было имя Маркуз, и его называли [также] – Буюрук-хан.

В то время татарские племена были весьма многочисленны и могущественны, однако постоянно выказывали покорность государям Хитая и Джурджэ. В ту эпоху главой татарских князей был некто, называвшийся Нор-Буюрук-хан. Юрт он имел в местности, называемой Буир-наур. Как-то воспользовался удобным случаем, захватил [в плен] царя кераитов, Маркуз-Буюрука, и отправил [его] к государю Джурджэ. Последний, пригвоздив его к "деревянному ослу", умертвил» (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 129). Бартольд (1893. с. 25) датирует это событие началом **50-х годов XII в.**, он предполагает, что Маркуз был, возможно, современником Елюя Даши, но погиб он уже после смерти Хабул-хана, жившего в 1147 г.

Следует отметить, что история кереит XII в. весьма фрагментарна, и известна нам большей частью в связи с событиями монгольского периода. Из изложенной нами цепи событий видно, что имя Маркус в ней встречается три раза, в связи с разными событиями, с разбросом в почти 150 лет: при упоминании предводителя кереитов принявшего при крещении имя Маркус (Марк) (1007); вождя цзубу (кереиты при этом не

упоминаются) Мокосы, боровшегося с Ляо и погибшего от рук киданей (1089-1100); и Маркуз-Буюрука, погибшего от рук чжурчжэнэй в 1150-х гг. Мы видим, что это разные люди, но остается неясным имеется ли между ними генетическая преемственность. Нисходящая линия известна только для последнего из перечисленных – Маркуз-Буюрука.

Рашид ад-Дин (Т. I, кн. 1, 1952. с. 130) пишет, что у кереитского Маркуза было два сына Курджакуз-Буюрук и Гурхан (титул). После смерти Курджакуса (около 1171 г. по Палладию [Кафарову], 1866. с. 199) между наследниками разгорелась борьба за власть. Один из сыновей Хурчакуса (Курджакуз-Буюрука), Тогорил, в 1171 г. захватил престол при помощи монгольского Есугэй-багатура, погибшего в том же году (Гумилев, 1970). Удерживать власть впоследствии ему помогал сын Есугея – Тэмуджин (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 131).

В § 132-134 СС рассказывается «Китадский Алтан-хан решил за непокорность наказать Татарского Мекуджин-Сеулту и послал на него Ванкинг-чинсанга, чтобы он, не медля, его уничтожил... Узнав об этом, Чингис-каган сказал: "Издавна Татарское племя было губителем наших отцов. Давайте к этому делу присоединимся!"... Когда Чингис-каган с Тоорил-ханом прибыли сообщить об убийстве Мекуджин-Сеулту, Ванкинг-чинсанг очень обрадовался и даровал Чингис-кагану звание Чауткури-сотник, а Кереидскому Тоорилу – Ван-князь. Отсюда и пошло имя Ван-хан. При этом Ванкинг-чинсанг сказал: "Тем, что помогли убить Мекуджина-Сеулту, вы оказали Алтан-хану великую услугу. Об этой вашей услуге я доложу Алтан-хану. О представлении Чингис-кагану более высокого звания "джао-тао", пусть решает Алтан-хан!". Так Ванкинг-чинсанг с радостью вернулся домой. Чингис-каган и Ван-хан, полонив Татар и поделив их между собой, также вернулись домой» (СС, 1990. с. 76-79). Хотя из отрывка не ясно, почему глава чжурчжэнского государства Цзинь (1115-1234) назван в СС китадским Алтан-ханом (Qitat irken-o Altan-qan), мы видим, что несмотря на свою значимость среди кочевников в тот период, ни монголы Тэмуджина, ни даже вероятно более мощные кереиты Тогорила не имели большого значения для крупных соседних государств. После этого случая кереитский Тогорил стал известен под титулом Ван-хан (Ванг-хан, Онг-хан, Он-хан, Унг-хан, Унк-хан). Груссе (Grousset, 1960)

датирует это событие 1199 г., в то время как Гумилев (1970) относит его к **1183 г.**

Судя по всему, положение Ван-хана во главе кереитов не было стабильным. В процессе борьбы за власть то один, то другой ее участник оказывался вне кереитских кочевий. Рашид ад-Дин упоминает, что дядя Тогорила – Гурхан оказался в Тангуте, а его брат Эрке-Хара спасался у найманов (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 131, 132). Сам Тогорил лишаемый власти, оказывался в Тангуте и у кара-киданей (СС, 1990; Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1,2, 1952). Эрке-хара бежал к найманам в **1194 г.** Помогая ему найманский Инанч-хан (Inanqa-qan – СС, 1990) сверг Тогорила, который осенью **1196 г.** бежал в Тангут. Гумилев (1970) приводивший эти даты указывает, что хронология событий не ясна «По Р. Груссе (Grousset, 1960. р. 259), бегство и возвращение Ванхана происходили в 1194-1196 гг. К. Виттфогель (Wittfogel, Feng Hsia-sheng, 1949. р. 648) разбирает этот вариант и предлагает другой – бегство Ванхана в 1196 г. и возвращение – в 1198 г. Второй вариант более убедителен, так как Инанч-хану было нужно время для того, чтобы собрать достаточно сильную армию, от которой Ванхан бежал без боя».

В примечаниях к тексту Рашид ад-Дина говорится, что область Тангут, имела в средние века и китайское название Си-Ся (Западная Ся) или Хэ-си (запад Желтой реки), у монголов была она известна также под именем Хаши(н) (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 132). Гумилев (1970) пишет, что «Хашин, название, переделанное монголами из китайского слова "Хэ-си" – западнее реки. Так назывались предгорья Алашаня и Наньшаня, лежащие западнее поворота Хуанхэ на север. Эта область с крайне смешанным населением была сердцем государства Тангут (кит. Си-Ся)». По всей видимости, на рубеже XII-XIII вв. именно в этом месте находились какие-то части кереитов, оказавшиеся там в результате различных причин. Вполне возможно, что кереиты могли появляться там и раньше, однако в доступной нам литературе об этом не упоминается. Известно, что дядя Ван-хана – Гурхан бежал на южную окраину Гоби, где получил от тангутского правительства место для поселения своих сторонников (Гумилев, 1970). Однако в «Сборнике летописей» упоминается, что «Когда Гурхан изгнал Он-хана, Есугэй-бахадур, отец Чингиз-хана, пошел на

помощь Он-хану и прогнал Гурхана. [Последний] приблизительно с тридцатью человеками ушел в область тангутов и вторично не появлялся» (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 132). Сам Ван-хан в период изгнания, также вряд ли оставил в ТангUTE много своих соплеменников. Больше всего кереитов могло быть в ТангUTE у его брата Илка-Селенгуна, получившего тангутское имя Джакамбу (князь страны или достопочтенный князь; Джа – страна, а ханьбо – достопочтенный (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 131); Jaqa-Kanbu (CC, 1990)).

Борьба Ван-хана со своими родственниками завершается его утверждением при помощи Тэмуджина. Гумилев (1970) считает, что это произошло в **1198** г. «Сокровенное сказание» и «Сборник летописей» свидетельствуют, что в XII в. возвышение монголов и, а затем и возвращение улуса Ван-хану, происходило при тесном взаимодействии кереитов и монголов. При этом Гумилев (1970) пишет о монголо-кереитском блоке, а Авляев (1984. с. 32) отмечает, что союзниками кереитов в их борьбе против найманов и меркитов в течение всего XII в. всегда выступали монголы Трехречья.

Помимо кереитов Ван-хана с Чингисом сотрудничали и другие части кереитов. Так в § 150 CC говорится «После этого к Чингис-кагану, когда он был в Терсуте, прибыл служить Кереидский Джака-Канбу (Kereidun Jaqa-Kanbu). Когда он прибыл, пришли сражаться Меркиды. Чингис-каган и Джака-Канбу сразились с ними и прогнали домой. Тогда прибыли к Чингис-кагану Тумен-Тубекан (Tumen-Tubekan), множество Дункаитов (olan Dunqait) и разрозненные Кереиды (butaraqsan Kereit)» (CC, 1990. с. 97). Судя по тексту это событие можно отнести к 1201 г.

В **1201-1202** гг. монголо-кереитский блок Чингис-хана и Ван-хана участвовал в разгроме группировки Джадарадского Джамуки (1201), татар (1202), меркитов (1202), найманов (вероятно 1202) (CC, 1990). Однако политические перипетии привели к противостоянию Тогорила и Тэмуджина (1202), которое закончилось поражением кереитов в **1203** г., и впоследствии гибелью Ван-хана и его сына Санкуна. После поражения Санкун бежал и добрался до Хотана и Кашгара. Там вождь племени калач Кылыч-Кара (Клыч-Кара) убил его, а его жену и сына, изъявив покорность,

отослал Чингис-кагану (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 133; Т. I, кн. 2, 1952. с. 134).

С этого момента кереиты делятся на тех, кто влился в состав монгольского народа-войска и тех, кто бежал от власти Чингис-кагана.

3.3.2. Монгольский период

3.3.2.1. В составе монгол

Включение кереитов в состав монгол шло различными путями.

Дети Санкуна и брата Ван-хана Джака-Канбу остались в живых и служили роду Чингиса. От них ведут свои родословные нойоны кости кереит. Кереитские принцессы – дочери Джака-канбу стали женами членов Золотого рода. Дети от этих жен стали известными монгольскими ханами.

Часть кереитов, под управлением лояльных владельцев не была рассеяна. До сих пор в Монгольской республике и АРВМ КНР существуют различные группы являющиеся потомками этой части, такие как, например тангут (потомки кереитов Джака-Канбу, названные так потому, что служили тангутам в Алашани).

«Был другой эмир [по имени] Куйду. В то время как Он-хан вознамерился захватить Чингиз-хана, а Бадай и Кышлык, которые были конюшими [актачи] Он-хана, известили [об этом] Чингиз-хана, – этот Куйду отделился от Он-хана и с имевшейся у него женой, трехлетним сыном, верблюдом и одним харкункуриром, – а это буланный конь, – перекочевал и явился к Чингиз-хану. Так как он высказал такую искреннюю привязанность, то [Чингиз-хан] приказал, чтобы он собрал свое племя кереитов и тункаитов; [Куйду] из них составил одну тысячу [воинов]. Его сын Куртакэ начальствовал [этой] тысячей, а его брат Абишка был на службе каана главным и доверенным секретарем [битикчи]» (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 134).

Часть кереитов попала в состав гвардии *turyaq kešigten*, сформированной в 1203 г., а часть была разделена между различными соратниками кагана и в таком виде вошла в состав монгольского народа-

войска. Довольно подробно этот процесс описан в «Сокровенном сказании»:

«§ 186. Так покорили Кереидское племя, поделив людей в разные стороны. Ради заслуг Сулдудского Такай-Баатура его потомкам дали сотню Джуркинов. Еще Чингис-каган, издавая указ, из двух дочерей младшего брата Ван-хана Джака-Канбу, старшую Ибака-беки взял себе, а младшую Соркактали-беки отдал Толую. По этой причине он сказал Джака-Канбу: «Ты владей подданными своего племени и будь для меня второй оглоблей!» – и народ его не рассеял.

§ 187. Еще Чингис-каган приказал: «За заслуги свои Бадай и Кишлик пусть заберут золотые решетки Ван-хана, его золотую церковь, посуду и всю прислугу. Кереидов Ван-хана пусть сделают своими кешигтенами. Пусть ваши потомки из поколения в поколение будут свободными стрелками! В военных походах берите себе все, что сами добудете!». ... Захватив кереидов, их поделили между всеми, никого не обделяя. Тумен Тубекенов поделили на всех. Племя Олоан-Дункаитов разбросали в течение одного дня. До усталости делили Джуркин-баатудов, славившихся кровавыми грабежами. Так уничтожив Кереидское племя, Чингис-каган зимовал в Абджиа-кодекере...

§ 191. ...Поделив войско на тысячи, сотни и десятки, образовали охранную гвардию – кешигтен (*kesikten*), состоявшую из восьмидесяти кебтеулов (*naγan kebteut*) и семидесяти туркаутов (*dalan turqaut*). В нее набирали талантливых и сильных сыновей и братьев нойонов Тысяч, Сотен, Десятков, а также вольных людей. Там Чингис-каган, награждая Аркай-Касара, сказал: "Пусть наберет Тысячу богатырей и ведает! Пусть в дни сражений, находится он предо мной. Пусть множество дней является моим туркак-кешигтеном (*turqaq kesikten mino boltuqai*)!"» (СС, 1990. с. 141-142, 148-149).

Из указанных отрывков неясно, могли ли Бадай и Кишлик иметь свою собственную стражу (кэшиг) или это было подразделение гвардии самого Чингис-кагана. В любом случае нам неизвестно число кереитов вошедшее в кэшигтэн. Авляев (1984. с. 36) со ссылкой на «Сокровенное сказание» и «Сборник летописей» Рашид ад-Дина (Козин, 1941. с. 168-170; Рашид-ад-дин, Т. I, Кн. 1, 1952. с. 114-117, 127-135; Т. I, Кн. 2, 1952. с. 108-118, 127-

135) пишет, что остатки кереитов, меркитов и найманов приняли активное участие в формировании гвардейского корпуса тургаут-кешиктен. Однако в указанных местах у Рашид ад-Дина каких-либо указаний на формирование данного корпуса нет, в имеющемся же в нашем распоряжении издании «Сокровенного сказания» при описании формирования гвардии в 1203 г. и ее реформировании в 1206 г. указывается только на порядок ее формирования, но не этнический состав ее членов. Так, в приказе Чингис-хана 1206 г., в указывается:

«§ 224. ...Ранее я был с восьмидесятью кебтеулами и семидесятью туркаками в кешигтене. Сейчас, когда Небо и Земля даровали мощь, чтобы объединить весь народ и управлять единым поводом, выделите людей с каждой тысячи в кешигтен туркак! Формируя кебтеулов, хорчинов и туркаков доведите общую численность до Тьмы! ... В кешигтен пусть набирают сыновей нойонов Тысячи, Сотни, Десятков и свободных людей. Пусть выбирают из них наиболее талантливых и сильных, пригодных к тому, чтобы быть с Нами рядом! Дети нойонов Тысяч, зачисляясь, приводят десять товарищей и одного меньшего брата! Дети нойнов Сотен, зачисляясь, приводят пять товарищей и одного меньшего брата! Всем снаряжением их обеспечивает род. Сыновьям нойонов Тысяч Тысяча выделяет десять товарищей из Сотен!» (СС. 1990. с. 195, 196).

Из § 226 «Сокровенного сказания» (СС, 1990. с. 199) нам известно, что гвардия состояла из 8 000 тургаутов, 1 000 кэбтэулов и 1 000 хорчинов.

Таким образом, на основании свидетельств «Сокровенного сказания» можно предполагать довольно пестрый этнический состав гвардии. Это соображение, однако, не отменяет существования там кереитов, хотя удельный вес их в кешигтене остается нам неизвестным.

Несмотря на такую неопределенность сведений «Сокровенного сказания» мы все же можем предполагать значительное количество кереитов в составе *turğaud kešigten*. Данное предположение основывается на том, что в составе современных этнических групп, наследников сформированной Чингис-каганом гвардии значительным субстратным пластом являются именно кереиты. Одним из подтверждений этой мысли является сообщение монгольского источника «Алтан хурдэн минган хигээсэтэ», согласно которому в более поздний период правое крыло

улуса владыки Хасара (хорчин түмэна), составляет кереитский улус, состоящий из 6 отогов «Хэрэйид, жуйид, йэхэ минган, гэгун хэшиг, туйбэгун, сахайид» (Altan kurdun minggan kegesutu, 2000. х. 311).

Считается, что от дневной стражи Чингис-кагана *turṡaq* (*turqaq*) *kešigten* произошел современный этноним и этническая группа торгут (*turṡa(q)ud*, тургауд, туркаут, торгоуд, торгоут, торгот, торгууд, торгуд, торһд). Довольно подробный разбор этого мнения был проведен Санчировым (1996), который пришел к выводу, что наиболее основательная с исторической и филологической точек зрения этимология была дана П. Пелльо. Сам Пелльо писал об этом следующее: «Тюркское *turghaq* в значении "ночной страж", "часовой" уже засвидетельствовано в "Кутадгу билиг" (XI в.); оно происходит от *tur-* "стоять, быть на ногах". Монгольское множественное число от *turghaq* обычно *turghaghut* (*turgha'ut*), и мы уже видели, что в действительности название торгутов писалось *Turghaghut* (и *Turghut*) у Саган-Сэцэна, *Turghaut* у Абулгази. Еще один пример того, как современное название монгольского племени произошло от названия обязанностей. Такова более вероятная этимология этого названия...» (Pelliot, 1960. р. 32). Санчиров (1996. с. 37) уточняет, что тюркское существительное *turṡaq* (сторож, страж) (Древнетюркский словарь, 1969. с. 587) является отглагольным образованием, в котором легко вычленяется аффикс *-ṡaq* и остается исходная глагольная основа *tur-* 1) вставать, подниматься; 2) стоять (Древнетюркский словарь, 1969. с. 586). Павлов (1994. с. 184), исследовавший вопросы развития фонетики по «тодо бичиг», писал, что сочетание *-агу-* (*-aḡu-*) трансформировалось в *-ау-* и затем в *-оу-*. Переход этот, судя по письменным памятникам Зая-Пандита, завершился к середине XVII в. Учитывая это, трансформация этнонима *turṡaqud* происходила следующим образом: турга(г)уд (XIII в.) – торгоуд (к сер. XVII в.) – торһд (XX в., совр. калм.) или торгууд (XX в., совр. монг.).

Впрочем, следует упомянуть и другие, на мой взгляд, менее вероятные версии:

От древнего этнонима *тюрк* (*түрк*, ту-кю, ту-цзю, тү киүвэй). В рукописи «Манжу үсүг-эцэ монголор орчигулугсан хойиду гажар-ун аймаг-

ун ойиллаг-а», являющейся переводом Дашням гүн-а с маньчжурского оригинала говорится, что один из четырех ойратских аймагов, а именно торгууд, является аймагом «Тү киүвэй». При этом «Тү киүвэй» аймаг еще во времена государства Суй (581-618) находился на Алтае (Qoyidu yajar-un ayimaу-un oyillaу-a, 2004. х. 105, 121).

От слова *торго(н)* – «шелк», с показателем множественного числа *торһауд*, т.е. драгоценные войска (Павлов, 1988. с. 97-98). Хотя лучше звучит прямой перевод – воины в шелках или воины, облаченные в шелка. Следует отметить, что в современном монгольском языке имеется выражение *торгон цэрэг* – гвардия (БАМРС, Т. 3, 2001. с. 229), но, на мой взгляд, связываться с торгутами оно может лишь косвенно.

От старомонгольского *тогурга (туурга)* – войлочная стена. Согласно БАМРС (Т. 3, 2001. с. 262) «туурга – войлочные стены юрты». Тогурга (туурга) цэрэг – гвардеец, телохранитель, т.е. человек, который защищает хозяина от стрел как войлочная стена (Монголийн нугуча тобчиян, 1990, глава с толкованиями древних терминов).

От слова *торгоху*, со значением «останавливать, охранять». По преданиям волжских ойратов «Торгоуты или Торготы обязаны сим наименованием отличной своей силе и твердости, так как они в одном сражении, где Монголы были опрокинуты превосходнейшим в числе неприятелем, остановили натиск последнего, и с того времени выводят настоящее свое название от слова Торгоху, т.е. остановить или остановивший» (Нефедьев, 1834. с. 90-91). То же значение, но в другой интерпретации зафиксировано Успенским у синьцзянских торгутов «В народных преданиях Торгутов сохранился рассказ, по которому они считают себя потомками знаменитого Кэраитского Ван-хана, и следовательно, по происхождению суть Кэраиты или Ван-ханиты, присоединенные Чингисханом к его владениям по завоевании аймака Кэраитского и составившие часть его гвардии: на это ясно указывает само название их Тургут, означающее "окружающий, охраняющий", то есть войска, самые ближайшие к ставке хана или ханский конвой», при этом сам автор связывает происхождение этнонима торгут с названием телохранителей Чингисхана – *торгаут*, значение которого выводится от

слова «торгоху – препятствовать, окружать, охранять» (Успенский, 1880. с. 87).

От слова *туруг* (*турук*), со значением «высокий, рослый». Значение «высокий», отмечал еще Паллас, записавший мнение волжских ойратов, согласно которому «Turuk или Turugut, что означало тоже, что и Uendür (великаны), или высокие люди», при этом «гвардия телохранителей Чингисхана, в которых они хотели видеть предков торгутской знати, носила это имя» (Pallas, 1776-1801 (reprint 1980). p. 12). От того же слова *turuγ-ud* – рослые люди, производится этноним *torγud* в торгутской летописи «Родословная ханов и князей старых торгутов [сейма] Унэн Суцзугту и новых торгутов [сейма] Чин-сэтхильту» (Ünen süjigtü qayucin Torγud kiged Ćing sedkiltü šine Torγud-ud-un qayan noyad-un uy ündüsün-ü ilelkel teüke-yin bičig, 1985. x. 365-366).

От слова *турхаг*, с тем же значением «большой, крупный, рослый (тураг, том, биеэрхүү)», с показателем множественного числа – турхагууд. Объясняя, что слово турхаг в процессе языкового развития превратилось в *тураг*, А. Очир предполагает, что от его производного турагууд, по-видимому, возникло название торгууд. Кроме этого он считает, что слово торгон, обозначающее гвардию телохранителей (торгон цэрэг), также произошло от слова тураг (Очир, 1993. х. 46). Подобное же мнение (от турхаг) высказывает Алтан-Оргил в вводной статье к сборнику «Ойратские исторические источники» (Oyirad teüken surbulji bičig, 1985. х. 42 прим. 54). В современном монгольском языке турхаг имеет значения «караул; крупный, большой; турхаг цэрэг – гвардеец» (БАМРС, Т. 3, 2001. с. 256).

От слова *тураг*, со значением «ворон» – версия исследователя из АРВМ КНР Э. Хурца (Хурц, 1991; Хурц, 1999). Действительно, в современном монгольском языке «**тураг** – большой, крупный (о животных); огромный; ... **тураг хэрээ шувуу**. ворон; **тураг шувуу** крупная птица; **тураг шувуу нисч хүрэхгүй, туурайт морь давхиж хүрэхгүй газар цэцэн**. место, до которого ни ворон не долетит, ни конь добрый не доскачет» (БАМРС, Т. 3, 2001. с. 255-256). По сообщениям Цонгоол Б. Нацагдоржа от 20 августа 2008 г. в некоторых монгольских диалектах тураг прямо обозначает вóрона, а бурятские эвенки ворóну называют тураки.

Последняя версия весьма интересна тем, что название гвардии является иным названием тотема правящей династии торгутов.

Часть указанных версий была приведена Санчиловым (1996. с. 31-38, 45), считавшего их, за исключением мнения Пелльо, народными этимологиями, которые хотя и отражают несомненные исторические реалии, но могли появиться только «когда истинное значение исходного слова-термина торгут, превратившегося в этноним с собирательным значением, было уже забыто».

Не вдаваясь в дискуссию о происхождении этнонима торгут, отметим, что кереиты, вошедшие в состав монголов XIII в., по всей видимости, вошли как в состав *turğaud kešigten*, так и других подразделений монгольской армии.

В составе общемонгольских войск кереиты, по всей видимости, попадали в различные улусы расширяющейся империи. В предисловии к «Сборнику летописей» (Рашид ад-дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 14-15) говорится, что при хулагидах часть кереитов поселилась на территории современного южного Азербайджана. Еще в первой четверти XIV в. их эмиры, как, например, Иринчин (по всей видимости, тибетское Ринчен, тибетские имена обычно связывают с распространением среди монголов буддизма, но возможно это следствие пребывания кереитов в Тангуте, не связанное с буддизмом – Х.С.), были ревностными защитниками христианства против ислама (*Histoire de Mar-Jabalaha III ...*, 1895, pp. 148, 178, 179). В самом тексте «Сборника летописей» упоминаются имена кереитских эмиров, которые занимали различные посты в Иране. Так, упоминается Абачитутгаул из племени тункаит (тунккаит, дунхайит), одной из ветвей кереит (Рашид ад-дин, Т. I, кн. 2, 1952. с. 94); Тукур-битикчи – страший из двадцати четырех сыновей, упоминавшегося выше Куйду, который «был эмиром сотни и прибыл в Иран на службу к Хулагу-хану в качестве секретаря» (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 134); Бенсил-нойон, кости тумаут (тубавут, добоут), также из кереитов, отправленный туда еще до прибытия Хулагу-хана (Рашид ад-дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 141-142).

Кереиты различных воинских подразделений попавшие в улус Джучи, по всей вероятности, ассимилировались в среде тюркоязычных групп. По

одной из гипотез Монраева (1998), антропоним Кирей (Гирей) восходит к монгольскому тотему кэрээ (хэрээ) и если связывать его с появлением монгол, распадом улуса Джучи и с тем, что часть золотоордынцев ушла в Турцию, а затем на Крымский полуостров, то становится очевидным происхождение титула Гирей у крымских султанов. Оттуда имя Гирей распространилось по европейской части современной России среди татар Казани, Астрахани, и возможно, значительно позже среди европейских ойрат (Монраев, 1998. с. 8, 9). Почти то же самое, но в более общей форме утверждал и Авляев (1984, 2002). В отличие от Монраева, он считал, что формы кирей, обак-кирей, герей, гере происходят не от тех кереитов, которые вошли на европейские территории в составе монгольских войск, а от той их части, которая после разгрома монголами бежала и рассеялась среди тюркских народов.

Относительно кереитов, оставшихся в коренном улусе, в русскоязычной литературе имеются немногочисленные фрагментарные сведения. При этом это данные лишь о тех из них, кто попал в состав гвардии *turγaud kešigten*. О тех из них, кто попал в состав других частей монгольского народа-войска информации не обнаружено.

Авляев (1984. с. 36, 37) пишет, что гвардейский корпус трансформировался впоследствии в этническую группу. И хотя процесс превращения корпуса тургаут-кэшигтэн в этническое объединение остается неясным, преемственность между ними явно имеется. Подтверждения этой преемственности он находит в преданиях самих торгоутов и хошоутов и в родословных торгоутских и хошоутских ханов и нойонов, где имена первых владельцев торгоутов и хошоутов восходят к Ван-хану кереитскому и к Хабуту-Хасару, командиру одного из полков 10-тысячного корпуса тургаут-кешигтен (Габан Шараб, Батур-Убаши Тюмень, 1969. с. 140, с. 25-27; Козин, 1941. с. 169-170; Лубсан Данзан, 1973. с. 157-164). Утверждение о том, что торгуты являются потомками кереитского Онг-хана имеется и в «Шара Туджи» (Шара Туджи, 1957. с. 100, 160).

Рассмотревший этот вопрос Санчиров (1996. с. 39) пишет, что родословные торгутских нойонов в промежутке от Хо Эрлэга, жившего в XVII в., до Ван-хана, жившего во второй половине XII в. и погибшего в 1203 г. содержат недостаточно поколений, чтобы заполнить промежуток в

четыре с половиной столетия. Он отмечает, что на это обращал внимание еще Пелльо (Pelliot, 1960. р. 33) и к этому же выводу, независимо от предшественников пришел ойратский историк Г. Лиджай, указавший, что «в общем и целом предок торгутов Онг-хан и кереитский Онг-хан – это два разных человека, живших в разное время» (Liġai, 1990. х. 78). В «Родословной ханов и князей старых торгутов [сейма] Унэн Суцзугту и новых торгутов [сейма] Чин-сэтхильту» (Ünen süġigtü qayucın Torγud kiged Ćing sedkiltü šine Torγud-ud-un qayan noyad-un uγ ündüsün-ü ilelkel teüke-yin biĉig, 1985. х. 365-366) приводится неизвестная ранее версия генеалогии торгутских ханов, возводящая их к выходцу из Индии, Гэрэл-Дара-хану. Согласно данному источнику один из его потомков – Он-тайса является современником Чингис-хана, однако его история не напоминает историю кереитского Ван-хана. В пятом поколении от Он-тайсы, при жизни нойона Кэйбанга торгуты отдались под покровительство Тогон-тайджи и вошли в состав ойратов.

Таким образом, мы имеем несколько мнений, противоречащих версии происхождения торгутских нойонов от кереитского Ван-хана. В случае, когда торгутский Ван-хан и кереитский Ван-хан разделены временным промежутком, мы еще можем предполагать под торгутским Ван-ханом, потомка кереитского Ван-хана XII в. Но в случае с родословной от Гэрэл-Дара-хана, когда Он-тайса является современником Чингис-хана, при этом события его жизни не напоминают события жизни Ван-хана, а о его принадлежности к кереитам не упоминается, родословная торгутского ханского рода входит в противоречие с большинством предыдущих мнений. Санчиров никак не комментирует данное противоречие, хотя и соглашается с тем, что этноним торгут произошел от названия корпуса *turγaud kešigten*. И хотя несоответствие родословных не отменяет наличия кереитского пласта в составе торгутов, сам факт этого несоответствия оставляет вопрос о кереитском происхождении торгутской знати открытым.

В «Сокровенном сказании» описывается, как после смерти императора гвардия была передана преемнику Өгөдэю: «§ 269. В год Мыши (1228) ... все собрались в Керуленском Кодеу-арале и, согласно повелению Чингис-кагана, возвели Окодая в ханы. Кебтеулы (*kebteul*), хорчины (*qorcin*), восемь тысяч Туркаутов (*naiman minqat turqaut*),

охранявшие Золотую душу хана-отца, будучи особым десятитысячным кешигтенем (tumen kesikten), расположенным позади хана-отца моего, брат Чаадай и Толуй признали Окодай-хана ханом. ... Окодай-каган, став ханом, приняв внутренний тумен кешигтенов и народ Центра (Qolun Ulus) ... отправил ... на Багдадского Калибо-Солтана, Окотура и Мункету» (СС, 1990. с. 252-253). По всей видимости, tumen kesikten передавался по наследству и другим каганам.

Авляев (1984. с. 36-37) пишет, что при первых чингизидах гвардия не была распущена и указывает на свидетельства того, что она была размещена в Ордосе (Южная Монголия) для охраны границ Монгольской империи (Потанин, 1893. с. 103, 104, 312). Авляев и Санчилов (1984) отмечают, что после первых четырех великих ханов дальнейшая судьба гвардейцев-тургаутов по письменным источникам не прослеживается, но ясно, что гвардия не была рассеяна или разделена между многочисленными потомками «малых ханов». Она сохранялась в виде компактной группы и постепенно превратилась в этнические общности «торгоут» и «хошоут», причем процесс этот происходил отдельно и не одинаково как для торгоутов, так и для хошоутов. Они предполагают, что после смерти Мөнкэ-хана в 1259 г., большая часть гвардии отошла к его младшему брату Ариг-Буге, а часть гвардейцев-тургаутов досталась, по-видимому, самому Хубилаю и Хулагу (Авляев, Санчилов, 1984. с. 49-50).

На основании летописей Баатур-Убаши Тюменя и Габан Шараба, Авляев предполагает, что торгоуты присоединились к ойратам в конце XIV в., при жизни хана Мергени-Еркету (Батур-Убаши Тюмень, 1969. с. 26.) и/или Казбанга (Габан Шараб, 1969. с. 140). При этом более ранний период этногенеза торгоутов по его предположению «происходил где-то к юго-востоку от Джунгарии, возможно в Алашани и в Ордосе» (Авляев, 1984. с. 37). Действительно, в Ордосе, на территории современной АРВМ КНР фиксируются этнические подразделения кэшигтэн, кэбтэул, хорчин (Потанин, 1883; 1893. с. 103). Напомним, что согласно летописи «Алтан хурдэн минган хигээсэтэ», описывающей, по всей видимости, конец XV – начало XVI вв., кереитский улус из шести отогов (хэрэйд, жуйд, их минган, гуун хэшиг, тубэгэн, сахайд) составлял правое крыло хорчин түмэна,

подчинявшегося потомкам Хасара (Altan kurdun minggan kegesutu, 2000. х. 311).

Сведений относительно кереитской истории в составе собственно торгоут на XV-XVI вв. в литературе нами не обнаружено. Только в летописи «Шара Туджи» упоминается, что «Хи Мэргэн Тэмэнэ имеет омок Хэрэит» (Шара Туджи, 1957. с. 169). Авляев (2002. с. 105) относит это упоминание к периоду до начала XVII в. Он же отмечает, что в XVII в. значительная часть кереитов оказалась в составе торгоутских улусов на Волге. Часть из них, видимо, вновь ушла с Санжипом, сыном Аюки-хана в 1701 г. в Джунгарию в числе тех 15 000 семей торгоутов, которые были задержаны джунгарским хунтайджи Цэван-Рабданом и остались в Джунгарии (Авляев, 2002. с. 105). На европейских территориях, помимо Волги, часть кереитов Эркетенского улуса зайсанга Балгана (сына Ямана) в 1730-е гг. оказалась на Дону, где позже образовались Эркетенский и Багутский аймаги (станции Эркетеневская и Батлаевская) (Авляев, 2002. с. 106).

Несмотря на миграцию части торгоутов, в составе которых было немало кереитов, в Европу, в зүүнгарском нутуге оставалось значительное их количество.

На середину XVIII в. зүүнгарские ойраты делятся на отоги, анги и цзисаи. При этом «Учреждение анги приписывается Галдан-Церыну, который посему Владетелей трех прочих ойратских Поколений сравнил с обыкновенными Тайцзиями... Отоками назывались небольшие поколения, в совокупности составлявшие личный удел Чоросского хана. Словом Анги означались уделы ближайших родственников его и Владетелей трех других Поколений, составлявших Ойратство. Словом Цзисай назывались небольшие уделы данные Духовенству для содержания себя.

Помянутые Отоки, Анги и Цзисаи по внутреннему управлению разделены были на Роды, из коих каждым управлял один Цзайсан; а сии Цзайсаны были дальние родственники четырех Ойратских Владетелей, и должность их наследственно переходила от отца к сыну» (Бичурин, 1991. с. 70). Среди прочих зүүнгарских отогов Бичурин (1991) со ссылкой на Синьцзян-чжи-ляо (лист 61-63) отмечает отог Кэриет, находившийся под управлением двух зайсангов и насчитывавший 6 000 кибиток. Судьба

части этих кереит после падения Зүүнгарского владения отражена в «Пиндин чжунгээр фанлюэ». Так, в «Приказе о доставке предводителя кэлэтэского [отока в Илийской долине] Гэндаши в Пекин» сказано:

«Алигун сообщил, что шивэй Нингули доставил в Баликунь (Баркуль) кэлэтэцев численностью около 900 мужчин и 1700 женщин, возглавляемых Гэндаши и Мансуэром [Мансуром], все они [из Баркуля] отправлены в Сучжоу, чтобы там решать их вопрос в соответствии с предписаниями, и что [он] уже написал письмо Хуан Тингую [по поводу их казни]. [Баркульский командующий] действует без разбора. В прошлом ойраты сдались в плен от страха, в сущности [они] были ненадежными. [Поэтому их казнили], но кэлэтэцы, как жители кочевья шалахусы, не бежали и не поднимали бунт, их можно пожалеть. Повелеваю [Военному совету] срочно передать мой указ Хуан Тингую, о том, что он сказал Гэндаши и Мансуэру, [они] когда будут доставлены [к нему]:

"Вы, пленные, много страдали из-за собственной доверчивости. Сановник в Баркуле [Алигун] хотел решать вашу судьбу в соответствии с предписанием. Но великий император помиловал вас и решил устроить, приказал доставить [вас] во внутренний Китай и там кормить и воспитывать".

После их прибытия в Сучжоу [предводителей] доставить в Пекин вместе с женами и родственниками, остальных не размещать в одном месте, раздать чиновникам и воинам соседней провинции. Если в одной провинции их трудно устроить, то разбросать [их] по многим другим районам. Также довести сей указ до сведения Алигуня» (Китайские документы..., 1994. с. 91-92).

О дальнейшей судьбе этой части кереитов нам неизвестно.

Известно, что после обратной откочевки Убаши в 1771 г. с большей частью населения Калмыцкого ханства, это население было расселено китайскими властями на территории современного СУАР КНР. Следует полагать, что значительная часть кереитов находится там в наши дни.

Авляев (2002. с. 105) считает, что несмотря на убыль населения в результате откочевки Санжипа 1701 г. и ухода Убаши-хана в 1771 г. количество кереитов в составе торгутов на европейских территориях было значительным. В его работах (Авляев, 1984. с. 38; 2002. с. 105, 106)

приводятся отдельные данные о численности кереитов в составе волжских торгутов, для различных периодов и административно-территориальных групп.

3.3.2.2. В составе других народов

Что касается другой ветви кереитов, которая бежала после поражения 1203 г., то она, вероятно, оказалась на территориях современного Западного Казахстана и Сибири, где впоследствии, по всей видимости, вошла в состав современных тюркоязычных народов.

Возможно, какая-то часть этой ветви осела на Ишиме и Иртыше. Последнее предположение основывается на устных преданиях сибирских татар, которые после завоевания Сибири русскими, были записаны и вошли в состав сибирских летописей.

Согласно этим летописям первым царем Сибири «был царь магометова закона именем Он» (Он – в Есиповской летописи; Иван – в Строгановской летописи; Он-Сом-хан – в Ремезовской летописи). Против него «воста... его же державы от простых людей именем Чинги и шед на него яко разбойник... и уби царя Она, и (вступи на) царство сам Чинги» (Сибирские летописи, 1907, с. 36; Миллер, 1937, с. 190-191 цит. по: Сафаргалиев, 1960. с. 220).

По одной из версий у Она остался в живых несовершеннолетний сын по имени Тайбуга, который долго скитался по разным местам, пока Чинги не узнал о нем. Последний обещал Тайбуге свою милость и покровительство, если тот подчинится и прибудет к его двору. Тайбуга поверил и прибыл. Чинги окружил его доверием и почестями, а впоследствии передал ему значительную часть владений отца, которому когда-то были подчинены жившие по Иртышу, Тоболу и Туре татары, вогулы и остяки, и поставил во главе значительного отряда. Тайбуга совершил несколько походов против остяков живших по Оби и заставил их платить татарам ясак. Наконец, он попросил у Чинги разрешение иметь собственный двор, и когда оно было дано, выбрал себе место на р. Тура, где стоит ныне г. Тюмень. Там он построил город, который назвал в честь Чинги – Чингидин (Чимги-тура), в котором прожил до старости и оставил наследство своему

роду, не упоминая ничего о Чинги и его потомках (Миллер, 2005. с. 186, 189).

Как видим, отождествления Он – Ван-хан, Чинги – Чингис-каган напрашиваются сами собой. И хотя версии сибирских летописей различаются именами ханов (при этом имя Чинги или Чингис встречается везде), изложением событий и взглядами на происхождение Тайбуги (Сафаргалиев, 1960. с. 220-223; Миллер, 2005. с. 186-188), для нас это не важно. Предания татар, зафиксированные в сибирских летописях дают возможность предположить, что какой-то из потомков кереитского Ван-хана бежавший от монгол мог осесть в пределах Сибири и демонстрируя лояльность новой власти вполне комфортно существовать со своим улусом, какую-то часть которого вполне могли составлять кереиты. Конечно, более вероятно, что этого потомка направил в данный район сам Чингис или кто-то из его преемников. Косвенно эту мысль может подтверждать и соответствие местоположения города Чингидина (Чимгитур) нынешней Тюмени. Сафаргалиев (1960. с. 219) пишет, что города Тюмень на р. Туре, Темников в пределах современной Мордовии, Тюмень на Тереке – бесспорно возникли в середине XIII в. на местах ставок монгольских темников – начальников десятитысячных отрядов, посаженных для поддержания ханской власти в завоеванных странах.

Относительно кереитских групп, ушедших далее на запад, в Истории Казахской ССР (История Казахской ССР, 1957. с. 136) упоминается, что после разгрома Чингис-ханом в первом десятилетии XIII в., с Алтая на территорию современного Казахстана прикочевала часть многочисленных племен найманов и кереитов. По всей видимости, дальнейшая судьба этих групп, на которой отразились многочисленные пертурбации, связанные с распадом монгольской империи, также не была безоблачна. Так, Тынышпаев (1925. с. 14) пишет, что кереиты, жившие во время походов Тимура (1370-1390) сплошной массой на большой территории, предположительно в 1400-1410 гг. подверглись сильнейшему погрому, в результате которого большая часть их бежала на Алтай, меньшая – на запад к аргынам, какая-то часть видимо осталась, растворившись среди узбеков. Многочисленные осколки кереитов, бежавших в XIII в. от монгольской власти, оказались впоследствии в составе народов,

возникших на обломках монгольских улусов. Включение их в состав этих народов происходило разными путями, в разных количествах, и в разное время. Например, Эрдниев (1980. с. 53) пишет, что в состав казахов кереиты вошли в промежутке с конца XVI до второй половины XVIII вв., т.е. в период наиболее интенсивного их взаимодействия с ойратами.

К сожалению, более-менее полные сведения о части кереитов, не вошедшей в состав монгольских народов, нам недоступны. В связи с этим обстоятельством, мы ограничимся лишь замечанием Авляева (1984. с. 36), который среди современных тюркоязычных групп, в чьем этногенезе участвовали кереиты, упоминает карачаевцев, ногайцев, татар, башкир, казахов, узбеков, киргизов, алтайцев и других.

3.3.3. Состав кереит

3.3.3.1. Состав

Из всего известного нам на настоящий момент материала, на состав кереитов, причем только на период XII-XIII вв., указывают только два источника – «Сокровенное Сказание» и «Сборник летописей» Рашид ад-Дина.

В «Сборнике летописей», в разделе посвященном кереитам, имеется отрывок о племени харакин, после которого следует фраза «Эти кереиты имеют множество племен и колен... Разделение [их таково]», за которой следует перечисление шести кереитских племен и их краткие характеристики (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 127-128). Из текста остается неясным включается ли племя харакин в состав кереитов или нет. Далее в тексте встречается упоминание о племени хиркун, которое называется ответвлением кереитов (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 132). Остается неясным, почему называя еще одно кереитское племя, автор не назвал его сразу, при перечислении остальных шести. Кроме этого возникает вопрос, не является ли хиркун одним из вариантов написания харакин?

Перечисляя кереитские племена, Рашид ад-Дин называет **кераит**, **джиркин**, **конкаит** (в изд. Березина – тунгкаит, краит), **сакаит**, **тумаут** (у

Березина – тубаут, тумавут) и **албат** (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 128-129). В издании «Сборника летописей» 1952 г., по которому приведены эти этнонимы, имеются и другие варианты их написания: тункаит (тунккаит, дунхайит) (Рашид ад-дин, Т. I, кн. 2, 1952. с. 94), сакаит (шакаит; сафа???; по чтению Березина сагаит) (Рашид ад-дин, Т. I, кн. 2, 1952. с. 125), сакиат (са-хэ-и, сахаит) (Рашид ад-дин, Т. I, кн. 2, 1952. с. 132), тумаут (тубавут, добоут) (Рашид ад-дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 141).

В тексте СС (1990) встречаются упоминания следующих кереитских групп: **кереид** (Kereit) (§ 186, с. 141), **джуркин** (Jurkin) (§ 139, с. 82), (Jirkin) (§ 186, с. 141; § 187, с. 142), **дункаит** (Dunqait) (§ 150, с. 97; § 187, с. 142), **сакаит** (Saqait) (§ 122, с. 67), **тубекан** (Tubekan) (§ 150, с. 97), **тубекен** (Tubeken) (§ 170, с. 119), (Tubeen) (§ 187, с. 142).

У Тынышпаева (1925. с. 14), ссылавшегося на Рашид ад-Дина, дается укороченный состав и несколько иное написание: сахыят, дубоут, тонгоит, албат, каркын. Авляев (1984. с. 33), также ссылавшийся на Рашид ад-Дина, называет шесть перечисленных выше племен, но дает свои варианты к некоторым этнонимам: конкаит (тунгкаит, донгхаит), албат (элиат, альмат), дунгхоит (на с. 36), замечая в конце, что к этим шести «следует добавить и род хиркун, причисляемый в монгольских летописях к кереитскому племени». Остается неясным, откуда появились отличающиеся варианты у Тынышпаева и Авляева, при ссылке на один и тот же источник. В случае Тынышпаева отличающиеся варианты можно объяснить ссылкой на какое-то раннее издание, но в случае Авляева ссылка идет на издание 1952 г., по которому эти этнонимы приведены у нас. Встреченные варианты сведены в таблицу, в последних двух столбцах которой даны только отличающиеся от «Сборника летописей» и «Сокровенного сказания».

Рашид ад-Дин, 1952	СС, 1990	СС, 1990	Тынышпаев, 1925	Авляев, 1984
кераит	kereit	кереид		
джиркин	jurkin, jirkin	джуркин		
конкаит, тунгкаит, краит, тункаит, тунккаит, дунхайит	dunqait	дункаит	тонгоит	донгхаит, дунгхоит
сакаит, шакаит, сафа???, сагаит сакиат, са-хэ-и, сахаит	saqait	сакаит	сахыят	
тумаут, тубаут, тумавут	tubekan, tubeken, tubeen	тубекан, тубекен	дубоут	
албат				элиат, альмат
харакин			каркын	
хиркун				

Как видим, большинство вариантов вполне соответствуют друг другу. Сомнение вызывает соответствие этнонимов тумаут (тубаут, тумавут) – тубекан (тубекен), которые могут оказаться не одним, а разными этнонимами и пара харакин – хиркун, которая может оказаться не двумя, а одним этнонимом. При этом, вспоминая конструкцию Б. Энхдалая, все три имеющиеся у нас формы (харакин, хиркун и кереид) можно возвести к предложенным им корням хэрэгэ-хирэгэ-харага. К сожалению, в очередной раз натолкнувшись на проблему филологического характера, мы вынуждены ждать ее разрешения специалистами в области сравнительного исторического языкознания.

Большинство авторов сходится в том, что кереитский союз был неоднороден, подразумевая при этом лингвистическую принадлежность. При этом Викторова (1960. с. 168) отмечает, что «кереиты имели смешанный состав, включающий наряду с тюрко-уйгурскими компонентами и некоторые иные, связанные с киданьско-монгольскими». Авляев пишет, что «кереиты домонгольской эпохи были монголоязычным племенем, хотя в целом кереитовский союз включал в себя разнородные этнические

компоненты. Ведущая роль в этом союзе принадлежала собственно кереитам, что обеспечило монголоязычность всего союза» (Авляев, 1984. с. 38). А авторы очерка по истории Казахстана ограничиваются лишь констатацией наличия тюрко- и монголоязычных компонентов (История Казахстана..., 1993. с. 73).

Справедливо замечая, что Викторова (1960) не конкретизирует свое замечание по кереитскому союзу, из которого неясно, какие именно элементы следует считать монголоязычными, а какие тюркоязычными, Авляев предлагает свой вариант классификации «монгольские элементы – кереит, хиркун (?), альмад или албат, дунгхоит; тюрко-уйгурские – джиркин (?), сакаит; самодийские – тумат (потомки дубо)» (Авляев, 1984. с. 33, 36). На чем основывается именно такая группировка тюрко- монголо- и самодийских элементов остается неясным. Следует отметить, что такая классификация, помимо знания монгольских, подразумевает также знание тюркских и самодийских языков. Кроме того, избирая такой путь, надо быть специалистом не только в современных, но и в области языков XII-XIII в. Неизвестно был ли автор этой классификации таким специалистом, но судя по всему, скорее всего не был.

Можно предположить, что Авляев пользовался возможностью толкования тех или иных этнонимов с монгольских языков. Но при ближайшем рассмотрении видно, что он не использовал этот метод. В силу своих скромных познаний я вижу, что с современных монгольских языков хорошо читаются только кереит (вороны), джиркин в форме джуркин (сердце – зүркн совр. калм, зүрхэн совр. бур., зүрх совр. монг.) и возможно албат (налогоплательщики?). Относительно этнонима джуркин в «Сокровенном сказании» имеется пояснение «*aurtan, suelsutan, omoqtan, jorkimes tula, Jurkin keekdeku yosun teimu*» (из-за того, что они были злы, желчны, горды и смелы их называли джуркинами) (СС, § 139, 1990. с. 82). Интересно отметить, что выражение смелый (зүрхтэй, зоригтой совр. монг., зүрктэ, зөргтэ совр. калм.), т.е. «с сердцем» до сих пор сохранилось в современных монгольских языках. Как читать хиркун и дунгхоит – неизвестно. И опять мы должны оставить вопрос открытым до тех пор, пока на него не обратят внимания лингвисты.

Некоторые современные исследователи пользуются другим методом установления лингвистической принадлежности тех или иных групп. Это сопоставление древних групп с одноименными современными. При этом вывод в отношении древних групп делается на основании принадлежности современных. Но для подавляющего большинства случаев такой метод нельзя признать верным. Да, при изолированном существовании в течении нескольких сотен лет группа конечно сохранит исходный язык. Но понятие изоляция не подходит для описания истории большинства кочевых народов Евразии.

Не имея других возможностей, следует признать, что установить лингвистическую принадлежность каждой части кереитского союза в наши дни вряд ли возможно. Повторим, что на основании имеющихся данных (указания Рашид ад-Дина и факта свободного общения кереитов с монголами Трехречья) мы лишь можем предполагать монголоязычие большей части кереитского союза XIII в.

Однако и без знания лингвистической принадлежности можно попытаться сопоставить некоторые члены кереитского объединения XII-XIII в. с народами или племенными союзами, которые оставили свой след в писаной истории в период до эпохи Чингис-хана.

Напомним, что предков собственно кереит (kereit) отождествляли с различными группами, начиная с эпохи хунну. Сухбаатар (1980) возводил хэрээн (хэрэйд) к хелян – роду у хунну, тоба и сяньби. Дарваев (2003) писал о хуннском роде суйбу. Тынышпаев (1925) также возводил их к хуннам. Викторова (1980) отождествляла их с тюрками-шато, что на китайском языке означает вороны. Кадырбаев (1990) считал, что кереиты происходят от канглы и огузов. К сожалению, мы не располагаем достаточным фактическим материалом и специальными знаниями для анализа этих гипотез и поэтому, как и предыдущих случаях оставим вопрос для освещения специалистами в области сравнительного исторического языкознания. Впрочем, и без специальных знаний вполне возможно предположить, что род или племя ворона существовало задолго до появления на исторической арене каких-то крупных образований, удостоенных чести быть занесенными в письменные источники.

О происхождении джуркинов (jurkin) говорится в «Сокровенном сказании», которое возводит их к подданным Окин-Баркака, старшего сына Кабул-хана, ведавшего всеми монголами (Qamuiq Monqoli Qabul-qaraqan meden aba) (СС, § 52, 1990. с. 20). Как старшему из сыновей ему были выделены люди «с печенью, полной желчи, с особенными большими пальцами, полные смелости в легких, с ртами, полными злости, где каждый мужчина был талантлив и отличался силой и мощью» (СС, § 139, 1990. с. 82). Наряду с этими джуркинами в «Сокровенном сказании» фигурируют джуркины Ван-хана из чего можно сделать вывод, что существовало две ветви одного племени, одна из которых вошла в состав кереитского союза.

О конкаитах (тунгкаит, дункаит, dunqait...) в виду отсутствия сведений сказать почти ничего нельзя, за исключением того, что вариант дункаит напоминает дун-ху – китайское название одной из групп народов обитавших в восточной части Азии в I тысячелетии до н. э. В свою очередь это название вместе с формой тунгкаит очень похоже на тунгус (тун-гу-с), где -с может быть монгольским показателем множественного числа.

Относительно сакаит сразу же бросается в глаза созвучие между этой частью кереит и нынешним самоназванием якут – урангхай-сахалар (Авляев, 1984. с. 35; Ушницкий, 2007. с. 52). Ксенофонтов, рассмотревший проблему соответствия монгольских и якутских саха пишет, что в эпоху Чингис-хана саха-якуты в целом уже обитали в пределах своей современной родины и поэтому все шумные события, связанные с именем Чингис-хана остались вне их кругозора и не отразились в их сознании (Ксенофонтов, II том Ураанхай сахалар). Принимая точку зрения Ксенофонтова можно предположить, что еще до XII-XIII вв. племя саха или сака было разделено как минимум на две ветви, одна из которых стала предками якут, другая же влилась в состав монгол. Монгольская ветвь, скорее всего не была единой, поскольку у Рашид ад-Дина племена сакаит и сукан упоминаются отдельно от кереитских сакаитов (Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952. с. 125, 197). Можно предположить, что какая-то часть сакаитов вошла в кереитский союз после прибытия кереитов в прибайкальские районы, в процессе вытеснения и видимо частичной ассимиляции курыкан.

Любопытно отметить, что среди современных граждан Монголии популярно толкование этнонима саха как край, окраина (монг. заха).

Что касается этнонима тумаут (тубаут, тумавут) и его возможных вариантов тубекан, тубекен, то, как и в случае с саха сразу же бросается в глаза корень туба (тума), который ассоциируется с одним из племенных союзов сяньби, который носил название тоба. Известно, что после того как тоба захватили обширные территории современного северного Китая в конце IV в. их вождь Тоба Гуй был провозглашен императором. Его внук установил династию Северных Вэй (386-534), впоследствии ассимилированную в китайской среде (История Китая, 1998). Авляев отмечает сходство кереитских тумаут и племени тумат XII в., а также хори-тумат из «Сокровенного сказания» (Авляев, 1984. с. 35). Возможно, кереитские тумаут были потомками сяньбийских тоба, другими ветвями которых могли быть туматы обитавшие одновременно с ними в Восьмирье.

В целом мы видим, что члены кереитского объединения XII-XIII в. можно попытаться отождествить с различными народами, на разных этапах оставившими свой след в истории Азии. Вполне возможно, что одни ветви этих народов вошли в союз с собственно кереитами, в то время как другие могли существовать независимо от них. Время и пути вхождения в союз, скорее всего, были различны для каждого из членов объединения. Кроме этого вполне вероятно, что члены будущего союза имели отличающиеся языки, культурные особенности и антропологические типы. Впрочем, мы почти не имеем информации по этому поводу и потому оставим освещение этих вопросов для других исследователей.

3.3.3.2. Потомки

Что касается более поздних периодов, то на примере некоторых групп можно попытаться отследить пути расселения частей кереитского союза и их вхождение в состав современных народов. В литературе имеются упоминания о народах, которые возможно отождествить с членами кереитского союза XII-XIII в., однако являются ли они потомками племен,

входивших в состав кереитского объединения или потомками их ветвей существовавших независимо от кереитов сказать трудно.

Тынышпаев (1925. с. 14) пишет: «В Алтайских горах на север и запад от Телецкого озера (правильнее – Долесское – по имени каракиргизского рода долес, проживающего в тех местах) в настоящее время проживает племя дубо, которых русские называют татарами. По рекам Абакан и Юс, составляющих притоки р. Енисей, проживает племя саха, которых русские прозвали сагайскими татарами. Восточнее от них живут племена каракас и камаса, которые называют себя туба. Знаток алтайских народностей и сам, если я не ошибаюсь, происходивший из племени Хагас, покойный профессор Н.Ф. Катанов говорит, что "дубо" есть не что иное, как теперешние урянхайцы и каракасы, называющие себя туба, и что дубо и уйгуры происходят от гуннов и в 5 веке жили в верховьях Енисея. Киргизские кереи в настоящее время в своем составе не имеют подродов, перечисленных Рашид-Эддином, зато есть каракас, тождественный, очевидно с тем, который находится на Алтае и который называет себя туба. Фишер свидетельствует, что в 1639 году русский уполномоченный Неверов был взят в плен на Алтае "Кераитом, обособливом родом тубинских киргизов". Из сопоставлений непосредственно явствует, что нынешние черневые и сагайские татары, урянхайцы, каракасы и наши кереи – осколки когда-то многочисленного и сильного племени керей... якуты сами называют себя саха, производят себя от сагайских татар. ... Когда-то сильное и многочисленное племя, жившее во время походов Тимура (1370-1390 гг.) сплошной массой на большой территории, по-видимому, в 1400-1410 годах пережило сильнейший погром и бежало – большая часть на Алтай (черневые, сагайские татары, каракасы и далее якуты), а меньшая часть бежала на запад к аргынам... В войнах Мухаммед-Шейбана упоминается племя сахиот, очевидно, керей, которое так и осталось среди узбеков».

Сердобов (1971. с. 125-127) утверждал, что тувинцы, хакасы, саха имеют общие этнические корни через кереев, исходным местом обитания которых были Восточные Саяны.

Относительно кереитов в составе казахов известно, что они являются довольно крупным подразделением, почему-то имеющим две формы

этнонима – керей и собственно кереит. При этом керей – крупное образование, населяющее восток Казахстана, северо-западный Китай и запад Монголии, а кереит небольшая группа на западе Казахстана. Можно предположить что керей, это потомки тех, кто в XIII в. не вошел в состав монгольского народа-войска, а кереит – потомки тех, кто в XVII в. был увлечен на запад ойратами, или вошел в состав казахов уже непосредственно из состава ойрат, в период падения их государств во второй половине XVIII в.

Таким образом, если принять точку зрения Тынышпаева и Сердобова о том, что кереиты вошли в состав современных народов под этнонимами членов кереитского союза XIII в. (дубо, туба, карагас, саха), то список предполагаемых потомков кереитов эпохи Чингис-хана становится значительно шире.

В составе современных монгольских народов кереиты фиксируются среди населения МР, АРВМ КНР, ойрат КНР и РФ и возможно бурят. Следует отметить, что среди монголоязычных народов, большая часть родов фиксируется в основном под этнонимом кереит (хэрээд, керэд).

Ниже приведены кереитские рода (овог) зафиксированные у современного населения Монголии (Тайжиууд Очир, Бэсүд Сэржээ, 1998). Часть этнонимов (торгууд, хорчид, хошууд) относится к группам в состав которых кереиты вошли в XIII в. Знаком ? отмечены этнонимы, принадлежность которых к кереитским лишь предполагается.

хэрээ – Увс аймаг

хэрээ цувдаг – Ховд аймаг

хэрээд – Архангай, Дорнод, Сүхбаатар, Төв, Увс, Ховд, Хөвсгөл, Хэнтий аймаг

хэрээнд – Завхан аймаг

хэрээдэй – Ховд аймаг

вангаахан (? возможно потомки кереитов Ван-хана) – Ховд аймаг

халтвангаахан (? возможно также потомки кереитов Ван-хана) – Ховд аймаг

тангуд (потомки брата Ван-хана Джака Канбу, служившего у тангутов в Алашани) – Архангай, Говь-алтай, Дорнод, Завхан, Сүхбаатар, Хөвсгөл, Хэнтий аймаг

тангудтан (? возможно они же) – Хэнтий аймаг
харгана (? возможно харакин по Рашид ад-Дину) – Дорнод, Сэлэнгэ,
Төв, Хэнтий аймаг

тува нар (? возможно тумгут, тугут, тумгут по Рашид ад-Дину) –
Ховд аймаг

тумад (? возможно тумгут, тугут, тумгут по Рашид ад-Дину) – Ховд
аймаг

түмэд (? возможно тумгут, тугут, тумгут по Рашид ад-Дину, но
скорее всего от слова түмэн) – Дорноговь, Говьсүмбэр, Дундговь,
Өвөрхангай, Өмнөговь аймаг

торгууд (признаются потомками кереитов) – Завхан, Өвөрхангай, Төв,
Увс, Ховд аймаг

хорчин (возможные потомки кереитов) – Өвөрхангай аймаг

хорчид (возможные потомки кереитов) – Дорнод, Сүхбаатар, Хэнтий
аймаг

хошууд (возможные потомки кереитов) – Баянхонгор, Өмнөговь,
Сүхбаатар, Увс, Ховд аймаг

хуралжин хошууд (возможные потомки кереитов) – Увс аймаг

Среди современных южных монгол (монгол АРВМ КНР), список родов
(овог) которых был получен от монгольских любителей истории (к
сожалению, без ссылок на источники), также выделяются кереитские. Как и
в предыдущем случае знаком ? отмечены предполагаемые потомки
кереитов.

хэрэйд

бага хэрэйд

йехе хэрэйд

цаган хэрэйд

хара хэрэйд

сагашуд (сахайт?)

зургин (джуркин?)

тангуд (возможные потомки кереитов Джаканбу)

тобуд (тумгут, тугут?)

тобчууд (тумгут, тугут?)

түмэд (тумгут, тугут?, но скорее всего от слова түмэн)

хирагана (харакин?, хиркун?)

торгууд

бага торгууд

хэшигтэн

хорчид

Напомним также, что согласно монгольскому источнику Altan kurdun minggan kegesutu (2000. х. 311), по всей видимости, описывающему события конца XV – начала XVI вв., правым крылом владения Хасара, потомки населения которого проживают в современном АРВМ КНР, являлся кереитский улус, состоящий из 6 отогов:

хэрэйд,

жуйид,

йэхэ минган,

гэгун хэшиг,

туйбэгун,

сахайд.

Сведений относительно кереитов в составе бурят обнаружить не удалось, за исключением замечания Эрдниева (1980. с. 53), со ссылкой на Балдаева (1961. с. 130), согласно которому кереиты у бурят прослеживаются под названием тэрэт, где звук «т» заменил «к».

Известно, что у ойратов Синьцзяна существует значительный кереитский пласт. К сожалению, в нашем распоряжении нет литературы со списками родов ойратов СУАР КНР. Однако в отрывке из книги Г. Лижээгийн «Шинжааны ойрадуудын түүх, соёл», опубликованном в журнале «Тод номын гэрэл», где описываются ойратские группы Синьцзяна, фигурируют административные единицы хошуу(н) с названиями восходящими к кереитам. Так, у торгуудов Тэнгэр уул (Тяньшаня) имеется Хэрээд хошуу, состоящий из 10 суманов, у Ховогсайрын торгууд (торгуудов Хобуксара) – Вангийн хошуу, состоящий из 4 суманов и у Хар-усны торгууд (торгуудов Хар-Усуна) – Вангийн хошуу, также состоящий из 4 суманов (Тод номын гэрэл, 2007. х. 8).

Следует отметить, что торгуудские Вангийн хошууны, как и и халхаские отогы Вангаахан могут оказаться не потомками подданных кереитского Ван-хана, а поздними образованиями, которые состояли под

управлением китайских чиновников с титулом Ван. Для разрешения этого вопроса необходимо привлечение дополнительного материала для каждой группы.

У европейских ойрат (калмыков), фиксируются как собственно кереиты, так и небольшие группы также возможно являющиеся их потомками.

Так, в середине XIX в., в Хошеутовском улусе значилось 250 кибиток кереитов (Небольсин, 1852. с. 40.).

На 1869 г. в различных торгутских улусах фиксируются кереитские аймаги общей численностью 1218 кибиток (ЦГИА, ф. 381, оп. 8, ед. хр. 3736, л. 19-27).

На 1880 г. в Батутском аймаге Яндыковского улуса фиксируется 987 кибиток кереитов (ЦГИА, ф. 370, оп. 1, ед. хр. 190, л. 57). По архивным источникам того же 1880 года, в трех аймагах «кереитова рода» Хошеутовского улуса проживало 263 кибитки кереитов (ЦГИА, ф. 380, оп. 1, д. 190, л. 1, 19, 23, 28).

Без датировки упоминается о группах кереитов Яндыковского улуса, где они входили в состав Долбанского и Батутского аймагов, при этом «в Батутовском аймаке значилась группировка "барун-кереитовских" аймагов численностью свыше 1000 семей» (ЦГИА, ф. 380, оп. 1, д. 190, л. 244-245).

На конец XIX – начало XX в. мелкие арбаны кереитов фиксируются в Ики- и Багацохуровском улусах (Авляев, 2002. с. 106). К 1903 г. общая численность кереитов в Эркетеневском улусе составляла 104 семьи (ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 75, л. 98). Много кереитов из этого улуса ушло в качестве отходников в Мочаги, где они перешли к рыболовству (Авляев, 1984. с. 38).

Кроме этого, согласно полевым материалам Авляева, среди жителей бывшего Талтанкиновского аймага Малодербетовского улуса имеется этноним альмат, который он соотносит с кереитскими албат Рашид ад-Дина (Авляев, 1984. с. 36).

У Эрдниева (1980. с. 69) указывается, что на конец XIX – начало XX вв. в состав торгууд среди прочих входили кереит, хошут, тубанцы (туба); в состав **дөрвөд** – кереит, хошут, сохад (сахайт?); в Хошеутовском улусе находились хошеут и кереит. О группе туба (тумаут, тубаут?) упоминается

в архивном документе 1880 г. Она упоминается в Багацохуровском улусе в количестве 20 кибиток (ЦГА, ф. 9, оп. 1, д. 21 (за 1880 г.)), в другом документе, датированном 1905 г. упоминается табанкинов род в 35 кибиток (ЦГА, ф. 9, оп. 1, л. 219, л. 15).

У Митирова (1998. с. 337-340) к сожалению, без ссылок на источник, приводится список калмыцких родов на начало XX в., среди них:

кереит – Яндыко-Мочажный улус ($64+106+95+33+330+416=1044$ кибитки), Эркетеневский улус (104 кибитки), Эркетеневский улус (Мочаж. ведом.) (5 кибиток), Хошеутовский (Александровский) улус (299 кибиток);

бага кереит - Хошеутовский (Александровский) улус (32 кибитки);

тебектенер (тубекан, тубекен?) – Малодербетовский улус (83 кибитки);

тобенкин (тумаут, тубаут?) – Эркетеневский улус (62 кибитки);

тубанкин (тумаут, тубаут?) – Багацохуровский улус (59 кибиток);

кептүл – указывается на карте Яндыковского улуса (с. 375).

В сводке родов (ясун) донских калмыков – бузава (Алексеева, Борманджинов, 1999. с. 14-27) зафиксированы:

керэд (собственно) – во всех станицах, кроме Ново-Алексеевской и среди уральских и кумских калмыков. Отмечается, что керэд встречаются в Хошеутовском, Яндыко-Мочажном, Эркетеневском улусах, Бүдөрмис-Көвүдовском (Бүдүрмүс-Көвүдовском) аймаге Большедербетовского улуса, у дөрвөд Монголии. У бузава кроме собственно керэд имеется 6 ответвлений: махчин, наатн, хар, хасг, цаатн (цаадин), баадин керэд;

баадин керэд – в каких станицах не установлено, возможно род прервался;

махчин керэд – в станицах Батлаевская, Денисовская, Платовская;

наатн керэд – в каких станицах встречаются установить не удалось, у калмыков США не встречаются, возможно представителей этого рода уже нет;

хар керэд – только в станице Платовская;

цаатн, цаадин керэд – только в станице Платовская, в Хошеутовском улусе, в аймаге Хончинар Малодербетовского улуса; аха цаатан – в Эркетеневском улусе, баһ(а) цаатан – в Яндыко-Мочажном улусе;

сохад (сахайт?) – в станицах Денисовская, Иловайская, Платовская;

кептүл, кевтүл – в станицах Бурульская, Власовская, Граббевская, Денисовская, Иловайская, Чунусовская, Эркетеневская.

Соответствия калмыцких названий донских аймагов русским названиям станиц: Баһуда – Батлаевская, Белэвин – Беляевская, Баһ(а) Буурла – Бурульская, Бембдэхнэ – Власовская, Цевднэхнэ – Граббевская, Богшрахна (Богшрахна) – Денисовская (Ново-Николаевская), Зүүнһара – Иловайская, Көвүдэ – Кутейниковская, Гелңгэхнэ – Ново-Алексеевская (Стояновская), Ики Буурла – Платовская, Балдра – Потаповская, Чонса – Чоносовская (Чунусовская), Эртнэ – Эркетеневская (Эркетинская).

3.3.4. Итог

Итак, проследив историю керейтов с момента первых упоминаний в составе союза цзубу, мы можем констатировать следующее.

Существует ряд версий о происхождении собственно керейтов, часть которых возводит их к хунну и сяньби. Впрочем, род или племя ворона могло существовать и задолго до этого времени и потомками этого рода или племени могут оказаться различные группы, вероятность связи которых с собственно керейтами может колебаться от значительной до нулевой. О поклонении ворону, могут свидетельствовать название покровителя тойонов саха «Хара Суорун Улуу Тойон» (Черный Ворон Великий Господин) и их обычай издавать перед сражением крики ворона с восклицанием «ойдоо, ойдоо» (Ксенофонов, 1977. с. 57, 207). Возможно таким же свидетельством может служить один из элементов погребального обряда у чукчей северо-востока Камчатки. До тех пор пока на костер не положат тело покойника – считается, что злой дух – «келе» может проникнуть в костер и помешать. Костровище оберегают сначала женщины с травяными повязками на рукавах и на поясе – люди-вороны. Любой человек ставший на это место – становится вороном и защищает от духов это место. Он должен оставаться на месте и издавать звуки, которые издают вороны. Тогда для келе он будет только птицей, а не человеком (Шапран, 2008).

Первые упоминания о собственно керейтах имеются в связи с упоминаниями союза цзубу (татар), относительно состава которого

имеются различные мнения. По Авляеву (1984) предками цзубу предположительно является группа токуз-татар (шивэй), потомков сяньби, освободившихся от уйгурского господства после 840 г. По Гумилеву (1970) группы, составлявшие цзубу, по всей видимости, являлись одной из ветвей шивэй, которая с конца X в. постепенно заселяла с востока степи современной территории Монголии. Судя по всему, племена цзубу находились на разных стадиях общественного развития, но в целом уступали другой, южной ветви шивэй, которая в начале X в. образовала государство Ляо. Территория расселения цзубу была значительной. По Гумилеву «от китайской стены до сибирской тайги», по Пикову – в районах современной северной Монголии и Забайкалья. Возможно, что территория, населенная цзубу, в разные периоды менялась. Относительно состава цзубу существуют различные мнения, но большинство авторов упоминает в этом составе кереит. Локализация кереит также различается у разных авторов, которые считают их либо северной, либо центральной группой. Несмотря на то, что в социально-экономическом отношении цзубу стояли ниже соседей, они представляли собой достаточно мощное объединение, с которым Ляо было вынуждено считаться.

В начале XI в. значительная часть цзубу (кереиты, найманы) стала христианами. При этом оценки численности кереитов колеблются от 1 000 000 в X в., до 200 000 чел. в нач. XI в. В начале XII в., в результате борьбы с Ляо объединение цзубу распалось. После казни предводителя цзубу Могусы в 1100 г., различные части цзубу, по всей видимости, уже не объединялись и проводили независимую политику. А после падения Ляо в 1125 г., части цзубу оказываются как на стороне киданей ушедших на запад, так и на стороне сменивших их чжурчжэней династии Цзинь. История этих частей неизвестна, но, по всей видимости, большая часть цзубу осталась на старых местах расселения и была практически независима от нового соседа – государства Цзинь.

Примерно к этому периоду можно отнести состав кереит приведенный в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина: кераит, джиркин, конкаит (тунгкаит, краит), сакаит, тумгут (тубаут, тумавут), албат, харакин и/или хиркун. Часть этих этнонимов можно отождествить с народами известными

в истории задолго до XII в. Судя по «Сборнику летописей» и «Сокровенному сказанию» в XII в. одни ветви этих народов вошли в союз с собственно кереитами, в то время как другие существовали независимо от них.

Положение в степи в XII в. нельзя было назвать стабильным. Многочисленные племена и племенные союзы, собиравшиеся под знаменем, то одного, то другого активного лидера могли довольно быстро создавать союзы и блоки, которые под влиянием тех или иных условий, могли также быстро распадаться. Кроме этого, после смерти очередного вождя внутри племен разгоралась борьба за власть. Кереиты не были исключением. После смерти их лидера, предположительно в 1171 г., за власть боролись его сыновья. В итоге, в 1198 г. окончательно утвердился новый лидер кереитов Тогорил, вошедший в историю под титулом Ван-хан. В борьбе за власть ему помогали лидеры монголов Есугэй и позже его сын Тэмуджин. Поддержка была взаимной. Многие авторы пишут о монголо-кереитском альянсе. Этот альянс подавил большинство крупных противников, и в результате борьбы за власть распался в начале XIII в. Противостояние вчерашних союзников привело к поражению кереитов в 1203 г., после которого они перестали существовать как независимое племенное объединение.

С этого момента кереиты делятся на две ветви: влившиеся в состав монгольского государства и бежавшие от него.

Вопреки существующей практике, согласно которой знать уничтожалась, а большая часть населения противника включалась в состав монгольского народа-войска, потомство кереитской знати было сохранено и даже занимало высокие посты в новом государстве. Что касается народа, то часть его попала в гвардию тургак-кэшигтэн, а часть в состав других подразделений. В составе общемонгольских войск кереиты могли попадать в различные улусы монгольской империи. Рашид ад-Дином засвидетельствованы имена эмиров из числа кереитов, попавших в Иран (т.е. улус Хулагу). Интересно отметить, что он отмечал не только принадлежность к собственно кереитам, но и к племенам входившим в их состав. О наличии кереитов в составе улуса Джучи можно догадываться по косвенным данным. Судя по составу родов современных монголоязычных

народов, значительное количество их оставалось в улусе Толуя. В западных улусах потомки кереитов, как впрочем и других монгол, были по всей вероятности ассимилированы.

Следующей волной кереитов были потомки солдат корпуса тургак-кэшигтэн, превратившегося в этническую группу примерно между концом XIII и концом XIV вв. В виде этнической группы они вошли в ойратский союз на Алтае и в XVII в. в его составе вновь распространились на запад. Самые западные рода кереитов фиксируются в станицах донских калмыков. На востоке кереиты фиксируются в составе западных (ойрат), восточных (халха), южных (внутренних) и возможно северных монголов (бурят). В составе монгольских народов потомки кереит могут находиться не только под этнонимом хэрээд, но и под этнонимами образованными от названий подразделений гвардии (торгууд, кэбтүүл, хошууд, хорчин, хорчид).

Кереиты, бежавшие после поражения 1203 г. осели частью в Иртыше, Ишиме, частью на территории современного Казахстана. Из-за недостатка информации неясна их история в имперский период монгольского государства, когда монголы верстали в свои ряды всех кочевников. Логично было бы допустить, что и эти кереиты попали в состав народа-войска, однако недостаток данных не позволяет этого сделать. С указанных территорий в разные периоды представители этой ветви кереит вошли в состав современных тюркоязычных народов, возникших на обломках монгольских улусов. Любопытно отметить, что по мнению некоторых авторов в ряде случаев они входили в состав этих народов под названиями членов кереитского союза XII-XIII вв. (дубо, саха, карагас). Хотя вполне возможно допустить, что под этими этнонимами фигурировали группы, не входившие в кереитский союз, как например это было показано Ксенофонтовым с саха.

Глава 4. Обсуждение

Как известно, этногенез той или иной группы может рассматриваться с позиций истории, лингвистики, этнографии и антропологии. В идеале вопросы этногенеза, конечно, должны раскрываться посредством

комплексного подхода, с привлечением данных из этих, а также других областей знания, однако на данный момент комплексный подход в подавляющем большинстве случаев является исключением, а не правилом (Хойт, 2008).

В путях сложения общности людей объединенной почитанием Ворона немало белых пятен и спорных вопросов, и если история кереитов с X по XX в. в общих чертах все же прослеживается, то этого нельзя сказать о лингвистических, этнографических и антропологических аспектах кереитского этногенеза.

Относительно лингвистических аспектов известно следующее. Современные потомки кереитов находятся в составе как тюркоязычных, так и монголоязычных народов. Руководствуясь этим фактом, некоторые исследователи утверждают об их соответственно тюрко- или монголоязычии, что вряд ли является верным подходом. Ответ на вопрос о лингвистической принадлежности кереитов может выглядеть гораздо сложнее.

Каких-либо образцов письменности, которую можно было бы идентифицировать как кереитскую до нас не дошло. По крайней мере, в известной и более-менее доступной литературе о них не упоминается. Единственным прямым дошедшим до нас свидетельством лингвистической принадлежности кереитов XII-XIII вв. является замечание Рашид ад-Дина (Т. I, кн. 1, 1952, с. 127), согласно которому кереиты имели сходные с монголами наречия и словарный состав. Единственным косвенным аргументом в пользу монголоязычия кереитов является факт их свободного общения с другими монголоязычными общностями того же периода, следующий из текстов «Сокровенного сказания» и «Сборника летописей».

Однако имеется и другой метод. «Поскольку первые письменные памятники на тюркских языках относятся к середине I-го тысячелетия н.э., на монгольском – к XII в. н.э. и на тунгусо-маньчжурских языках (например, чжурчженьском) – к XI в. н.э., то о характере тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков более ранних эпох можно высказывать лишь предположения, используя различные косвенные данные, в том числе и

результаты внутренней реконструкции древнего состояния этих языков» (Рассадин, 2007. с. 35-36).

Анализируя пути развития алтайской языковой общности, Рассадина приводит мнение Коновалова (1999; 2002), который выдвигал гипотезу о наличии двух ветвей монгольского этногенеза: «...Заслуживает особого внимания тезис об этническом ядре хунну, происходящем из южноманьчжурского этнокультурного очага ..., шире – из обширного маньчжурско-восточномонгольского хуского этнического субстрата, который после образования западнее от него в районе Ордоса и прилегающих земель, хуннской группировки племен стал называться дунхуским, т.е. восточнохуским. Это событие явилось результатом длительного исторического процесса контактов восточных и западных этносов юга Центральной Азии, которые и зафиксировала китайская историография задолго до образования Хуннской степной державы. По нашей интерпретации это было фиксацией процесса образования двух линий развития этносов, которые мы называем двумя ветвями.

Дальнейшая история Центральной и отчасти Восточной Азии показывает, что монгольские этносы в каждой из ветвей развивались по-разному, т.е. до известной степени в разных исторических контекстах. Обозримые пути их этнического развития связаны с судьбой таких этносов и этнополитических образований, как: в дунхуской ветви – ухуань, сяньби, муюн, тоба, хи, шивэй, кидань, татар, дагур; в хуннуской ветви: гаогюй, теле, хойху, тукю (ашина), аша (тогон), огуз, уйгур (ойхор), кэрэит, монгол, джунгар. В каждой ветви происходили межэтнические взаимодействия: монгольско-тунгусские в дунхуской, монгольско-тюркские в хуннуской, в каждой из них происходили свои процессы этнотрансформации – этноэволюции.

Итак, лишь с учетом разветвленного этнополитического развития монгольских этносов древности и средневековья, начавшегося с хуннуско-дунхуской этнополитической дивергенции и сопровождавшегося феноменом суперэтнического характера, можно правильно объяснить этногенез и этническую историю монголов» (Коновалов, 2002. с. 64).

Контактов и столкновений между носителями монгольских тюркских языков на протяжении истории было немало. Например, в «Истории

Монгольской Народной Республики» (1967, с. 82) упоминается следующее: «После разгрома в 93 г. н.э. северных хуннов и слияния их с племенем сяньби этнический состав последнего изменился. С этого времени под сяньби надо подразумевать не только дунху, но и хунну, т.е. сяньби стали этнически неоднородным племенем. Это смешение двух племен нашло свое отражение и в языке... Смешение этнически различных племен и языковых групп на территории Монголии наблюдалось и позже. Но при этом происходило не образование нового языка, а обогащение одного из скрещивающихся языков, а именно древнего монгольского, который сохранялся и развивался, пополняя свой словарный состав за счет других языков – тюркского и тунгусо-маньчжурского». «Данный контакт древнебулгарских и сяньбийских племен, зафиксированный в китайских летописях начала нашей эры, привел к появлению нового варианта древнего монгольского языка (сяньбийского), обогащенного протобулгарским (тюркским) субстратом. Этот древний монгольский язык, развиваясь, дожил до наших дней в форме современных монгольских языков, сохраняющих те древние булгарские элементы, которые вошли в древний монгольский язык в ту отдаленную эпоху. Подобные процессы слияния и взаимообогащения происходили и до нашей эры. Так, Рона-Таш ... считает, что древние монголы заимствовали молочное скотоводство у древних булгар еще в эпоху бронзы» (Рассадин, 2007. с. 35).

С гипотезой Коновалова о двух ветвях монгольского этногенеза Рассадин связывает выделение двух первоначальных ареалов, на которые распалась общемонгольская языковая общность. Восточный ареал связывается Рассадиным с киданьским этносом. Языком-потомком этого ареала считается современный дагурский язык, а также языки и диалекты географически в общих чертах соответствующие АРВМ КНР. Западный, точнее северо-западный ареал, составляли языки монгольских племен, получивших в китайских летописях название шивэй. В недрах этого ареала формировались современные халха-монгольская, баргу-бурятская и ойратская языковые группы. Эти племена перемещались на запад, в сторону Центральной Азии, где вступали во взаимодействие с обитавшими там тюркскими племенами. Именно этим, по всей видимости, можно объяснить наличие огромного количества тюркизмов в халха-

монгольском, ойратском и бурятском языках и тунгусо-маньчжуризмов в монгольских языках и диалектах Внутренней Монголии Китая (Рассадин, 2007. с. 37-38).

Принимая взгляды лингвистов, на формирование монгольской этнической общности, а также учитывая гипотезы относительно возможных предков кереит и гипотезу Коновалова о хуннуско-дунхуской дивергенции, с последующими монгольско-тюркскими контактами в хуннуской ветви, мы можем предположить, что группа или группы поклоняющиеся Ворону могли попадать на степную территорию, как в составе шивэй, так и ранее, в период I тыс. н.э. В результате взаимодействий, какие-то части этой группы или групп могли оставаться в составе тюркоязычных этносов и в таком виде дойти до наших дней под этнонимом карга или его вариантами (карагас, киргис). Хотя можно допустить и позднее происхождение тюркской версии этнонима. В этой связи очень ценным было бы мнение лингвистов о возможности или невозможности сведения современных тюркских и монгольских форм слова «ворон» к корням харага-хэрэгэ, предложенным Б. Энхдалаем, и изначальной принадлежности этих корней к тюркской или монгольской языковой общности.

Переход кереитов из восточной (дунхуской) ветви по Коновалову (2002) в западный ареал формирования монгольских языков по Рассадину (2007), состоялся, по всей видимости, до XII-XIII вв. Мигрируя на запад, предки кереитов могли контактировать с тюркоязычными группами, часть которых могла быть включена в их состав. Любопытно, можно ли выявить у современных кереит лингвистические свидетельства пребывания их предков в восточном очаге монгольского этногенеза.

Состав кереит XII-XIII вв., зафиксированный Рашид ад-Дином, может предполагать разноязычные компоненты, принадлежность которых без привлечения дополнительного исторического и лингвистического материала определить затруднительно. Однако, учитывая указания Рашид ад-Дина и свободное общение кереитов с монголами, зафиксированное в «Сокровенном сказании» и «Сборнике летописей», можно говорить о монголоязычии в указанный период, по крайней мере, большей части кереитского союза.

Учитывая эту мысль, возможные потомки кереит, бежавших в XIII в. и оказавшихся на территории Сибири и западного Казахстана, могли оставаться монголоязычными или билингвами. При этом высокая доля монголоязычности могла сохраняться у них до середины XVIII в., вплоть до активных военных взаимодействий с ойратскими группами и вхождения западных кереитов в состав казахов. Можно предполагать, что какие-то части племен кереит (тумаут, сакаит), упоминаемые Рашид ад-Дином вошли в состав современных народов Сибири под своими оригинальными названиями. В случае с собственно кереит могло осуществляться калькирование (карга, карагас). Однако существует и другая возможность, согласно которой, вошедшие в состав сибирских народов группы, являются потомками тех ветвей этих племен, которые никогда не были в составе кереитского союза. В свою очередь можно предполагать полиэтнический и соответственно многоязычный состав исходных (конкаит, сакаит, тумаут...) групп, что дает еще больше возможностей для предположений. Внести ясность в эти вопросы могли бы данные сравнительного исторического языкознания и этнографии.

Часть кереитов, оказавшаяся в составе общемонгольских войск на территории западных улусов перешла на тюркские языки и фарси, как впрочем, и другие монголы. Хотя стоит отметить, что в улусе Джучи еще долго фигурировал титул Гирей.

Оставшиеся на территории коренных улусов, уже в составе торгоутов (и возможно хошоутов и кэбтэулов), были последней монголоязычной кереитской волной, дошедшей до европейских территорий.

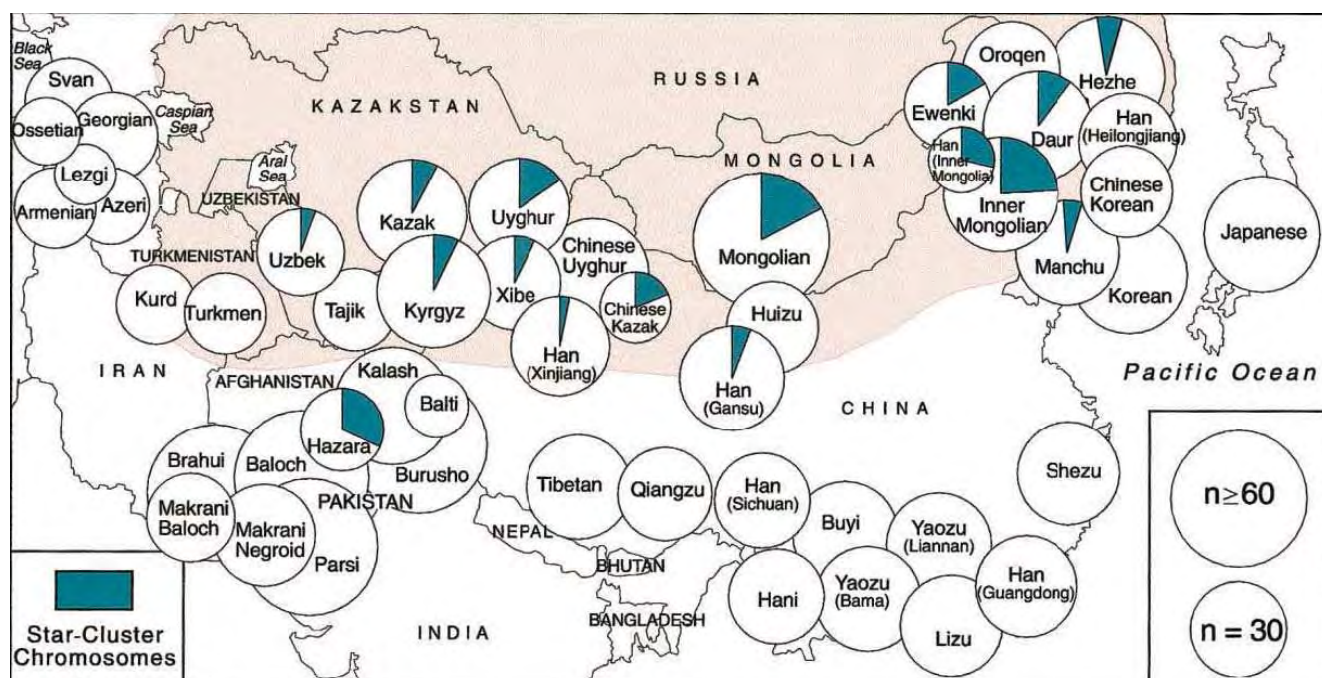
Такая картина лингвистической принадлежности кереитов рисуется вкратце на основании изложенного выше материала.

В качестве свидетельства хоть как-то проливающего свет на этнографические аспекты кереитского этногенеза, можно упомянуть все то же замечание Рашид ад-Дина (Т. I, кн. 1, 1952, с. 127), согласно которому кереиты «имели сходство с монгольскими племенами, *их обычаи, нравы, наречия* и словарный состав [лугат] близки друг другу». В общем же можно отметить, что многочисленные этнографические аспекты генезиса кереитских групп находятся вне поля зрения современных исследователей.

То же самое можно сказать и об антропологических аспектах. В отношении последних следует заметить тот факт, что в современной антропологии и смежной дисциплине – популяционной генетике пока господствует подход, основанный на использовании этнонимов, маркирующих национальности в современном их звучании и наполнении. Однако появившаяся в последние годы возможность проверки этногенетических гипотез с помощью генетических данных сделала возможным и другой подход, основанный на использовании этнонимов разных уровней, существующих в иерархичной этнической структуре ойрат и других наследников кочевой культуры (Galushkin et al., 2001; Хойт, 2007). В случае с кереитами мы имеем широкое поле для исследований, представляющее массу возможностей для проверки тех или иных гипотез, вытекающих из сведений зафиксированных в устных преданиях и письменных источниках.

В связи с этим хотелось бы напомнить о статье английских генетиков (Zerjal et al., 2003), упомянутой в начале данной работы, авторы которой предположили, что один из выделенных ими вариантов Y-хромосомной линии принадлежит основателю монгольской империи. Анализ нашего материала показывает, что доводы авторов в пользу отнесения данного сочетания маркеров Y-хромосомы к линии «борджигин кият» (появление примерно 1000 лет назад, территория распространения, совпадающая с территорией монгольской империи и высокий социальный статус, подразумевающий доступность любой женщины для ее правителя) вполне подходят и для правящей династии кереитов, управлявшей одним из крупнейших в домонгольский период союзом, потомки которой занимали высокие посты в монгольском обществе.

Любопытно отметить, что наибольшие проценты данного варианта Y-хромосомной линии находятся среди хазара, монголов МР и АРВМ КНР, т.е. среди тех групп, где согласно историческим данным можно ожидать наибольшее количество потомков кереитов. Еще в свое время Рашид ад-Дин отмечал различных эмиров из числа кереитов в улусе Хулагу. А современная территория Внутренней Монголии была местом формирования этнических групп (торгууд, хошууд, хэшигтэн), предположительно образовавшихся с большим кереитским компонентом и

знатю (по крайней мере для торгууд), происходившей из потомков кереитских правителей. Высокий процент этого варианта среди хазара, даже больший чем среди монголов, можно объяснить позднейшим принятием ислама, т.е. условием при котором частота определенных Y-хромосомных линий в популяции может сильно возрасть за короткий промежуток времени.

Наличие данного варианта у узбеков, казахов, киргизов, уйгуров, хань может объясняться вхождением их территорий в состав монгольской империи. В отношении казахов, любопытно отметить тот факт, что в отличие от других тюркоязычных и монголоязычных групп у них встречается только этноним кереит (в форме керей), при этом подразделения, существующие под этим этнонимом не соответствуют зафиксированным Рашид ад-Дином, а зафиксированные им (тумаут, сакаит и пр.) отсутствуют. Кроме того, родословные современных казахских кереитов возводятся к довольно узкому кругу лиц, которые исчисляются единицами (<http://www.elim.kz>). Такая структура соответствует ситуации, когда немногочисленные монгольские кереиты, имевшие определенные социальные преимущества, обладали большим количеством новых подданных (налогоплательщиков), хотя и относящихся к разным родам, но объединяемых под именем кереит, и помимо прочего могли иметь много детей от большого количества различных женщин. Имея данные по Y-хромосомным маркерам, мы могли бы подтвердить или

опровергнуть высказанное предположение. Возвращаясь к результатам английских генетиков, следует отметить повышенный процент отмеченной ими Y-хромосомной линии у синьцзянских казахов, который можно объяснить как наличием среди них большого количества потомков кереитов, бежавших от Чингис-хагана в 1203 г., так и более поздними контактами с торгуудами СУАР КНР. Довольно высокий процент данной линии у хань из АРВМ КНР не только по сравнению с хань из СУАР и Ганьсу, но и с внутренними монголами можно объяснить только контактом с последними, часть потомков которых возможно идентифицирует себя в наши дни как хань. При этом конечно же не стоит забывать о возможной ошибке выборки, а также возможности ассимиляции кереитов в случаях, подобных описанному в «Пиндин чжунгээр фанлюэ».

Наличие данного варианта Y-хромосомной линии у дауров, эвенков, сибо (сибэ, сипи, шипи, сяньбэй, сибай, ситу), хэчжэ (килэнь, нанио, набэй, нанай, нани, гольды) можно объяснять не только вхождением в состав монгольской империи, но тем, что эти народы в той или иной мере могут являться потомками восточной (дунхуской) ветви этносов юга Центральной Азии по Коновалову (2002) – сяньби и шивэй, из которой как предполагается выделились предки кереит.

Любопытно отметить, что происхождение сибо прямо связывается с древними сяньби, шивэй и чжурчженями (Решетов, 1998). А язык дауров по лингвистическим данным входит в восточный ареал монгольских языков по Рассадину (2007), соответствующий восточному центру монгольского этногенеза Коновалова (2002).

Если отвлечься от популяционного уровня и перейти на индивидуальный, то некоторые данные по позднему распространению кереит нам могла бы дать генеалогия и ономастика. У оседлых народов, у которых родовая принадлежность не играла такой роли как у кочевых, роль родового маркера в некоторых случаях могла играть фамилия. Среди русских, например, потомков кереитов можно попытаться отыскать сегодня среди людей с фамилиями, происходящими от корней Гирей, Кирей. Возможно также, что отец и сын Джоркаевы (Djorkaeff), известные французские футболисты калмыцкого происхождения, ведут свою фамилию от древнего кереитского подразделения джуркин (jurkin).

Проверить эти гипотезы могло бы сравнение генетических данных предполагаемых и действительных потомков кереит.

Заключение

Итак, мы видим, что группы объединенные этнонимом, в котором с древнейших времен запечатлелось почитание Ворона, прошли довольно долгий и сложный путь. На этом пути они стояли на пороге создания своего государства, пережили ряд потрясений, но не потеряв идентификации дошли до наших дней в виде различных подразделений субэтнического уровня в составе многочисленных современных народов, наследников кочевой культуры, расселенных от Японского до Каспийского моря.

Проделанная в данной работе попытка очертить основные этапы истории кереитов и их потомков показала, что привлечение не только исторической информации, но и данных из других областей, в одних случаях помогает раскрыть некоторые аспекты этногенеза, а в других создает новые вопросы. Привлечение новых данных очень интересно не только с точки зрения освещения истории кереитов, где есть достаточно много белых пятен, но и неизвестных ранее моментов сложения многих современных народов.

Изучение исторических путей весьма желательно проводить комплексно, с применением всех последних достижений из различных областей знания, в нашем случае, по возможности для всех кереитских групп. Привлечение широкого круга китайских, монгольских, тюркских, русских и иных источников, данных из сравнительной исторической и современной этнографии и лингвистики, ономастики и генеалогии, а также антропологии и популяционной генетики могло бы значительно расширить наши представления о генезисе средневековых и современных групп, отмеченных в истории знаком Ворона.

Автор выражает глубокую признательность и благодарность Өөлөд Баатарын Энхдалаю, Цонгоол Батцэнгэлийн Нацагдоржу и другим монгольским любителям истории и сравнительного исторического языкознания за широкий взгляд на вещи, дельные мысли по некоторым вопросам монгольского этногенеза и ознакомление с источниками, неизвестными в русскоязычной литературе.

Использованные материалы

Архивные источники

ЦГИА – Центральный государственный исторический архив СССР

ЦГА – Центральный государственный архив КАСР

ЦГА, ф. 9, оп. 1, д. 21 (за 1880 г.). цитировано по Эрдниев, 1980. с. 69.

ЦГА, ф. 9, оп. 1, л. 219, л. 15. цитировано по Эрдниев, 1980. с. 75.

ЦГИА, ф. 1291, оп. 84, д. 75, л. 98. цитировано по Авляев, 1984. с. 38.

ЦГИА, ф. 370, оп. 1, ед. хр. 190, л. 57. цитировано по Авляев, 2002. с. 106.

ЦГИА, ф. 380, оп. 1, д. 190, л. 1, 19, 23, 28. цитировано по Авляев, 1984. с. 38.

ЦГИА, ф. 380, оп. 1, д. 190, л. 244-245. цитировано по Авляев, 1984. с. 38.

ЦГИА, ф. 381, оп. 8, ед. хр. 3736, л. 19-27. цитировано по Авляев, 2002. с. 105-106.

Литература

На европейских языках

Conon von der Gabelentz H. Geschichte der Grossen Liao. 1877. цитировано по Гумилев, 1970.

Galushkin S.K., Spitsyn V.A., Crawford M.H. Genetic Structure of Mongolic-speaking Kalmyks // Human biology. 2001 Dec; 73(6). pp. 823-834.

Grousset R. L'Empire des steppes. Paris, 1960. цитировано по Гумилев, 1970.

- Histoire de Mar-Jabalaha III, traduite du syriaque par J.B. Chabot, Paris, 1895.
цитировано по Рашид ад-Дин, Т. I, кн. 1, 1952.
- Pallas P.S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolische Volkerschaften. I-II Theile. SPb., 1776-1801 (reprint: Graz, 1980).
цитировано по Санчилов, 1996.
- Pelliot P. Notes critiques d'histoire kalmouke. Paris, 1960. цитировано по Санчилов, 1996.
- Shott W. Kitai und Karakitai. Berlin, 1879. цитировано по Пиков, 1996.
- Tatiana Zerjal, Yali Xue, Giorgio Bertorelle, R. Spencer Wells, Weidong Bao, Suling Zhu, Raheel Qamar, Qasim Ayub, Aisha Mohyuddin, Songbin Fu, Pu Li, Nadira Yuldasheva, Ruslan Ruzibakiev, Jiujin Xu, Qunfang Shu, Ruofu Du, Huanming Yang, Matthew E. Hurles, Elizabeth Robinson, Tudevdayva Gerelsaikhan, Bumbein Dashnyam, S. Qasim Mehdi, and Chris Tyler-Smith. The Genetic Legacy of the Mongols // The American Journal of Human Genetics, Volume 72, Issue 3, 717-721, 1 March 2003.
- Wittfogel K.A. and Feng Hsia-sheng. History of Chinese Society. Philadelphia, 1949. цитировано по Гумилев, 1970.
- Wittfogel K.A., Feng Chia-sheng. History of Chinese society: Liao. Philadelphia, 1949. цитировано по Пиков, 1996.

На монгольском языке

- "Altan kurdun minggan kegesutu". Dharma jokiyaba. Coiji tulgan qaricagulju tayilburilaba. Obur monggol-un arad-un keblel-un qoriy-a. Kokeqota, 2000.
- Erdeni-yin Tobči. УБ, 1961; изд. Ф. Крюгера "Sagang Sechen". цитировано по Авляев, 1984.
- Lijai G. Torγud-un ebüge degedüs-un tuqai šine-ber sudulqu ni. Torγud teüke-yin tuqai sudulul (nige) // Oyirodiyın sudulul (Oirat Studies). 1990. № 3-4. цитировано по Санчилов, 1996.
- Oyirad teüken surbulji bičig. (Серия: Oyirad soyol-un degeji). Öbör Mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriya. Kökeqota, 1985. цитировано по Санчилов, 1996.
- Qoyidu yajar-un ayımay-un oyıllay-a. УБ, 2004.
- Ünen süjigtü qayucın Torγud kiged Čing sedkiltü šine Torγud-ud-un qayan noyad-un uy ündüsün-ü ilelkel teüke-yin bičig // Oyirad teüken surbulji bičig.

(Серия: Oyirad soyol-un degeji). Öbör Mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriya. Kökeqota, 1985. цитировано по Санчилов, 1996.

Монголийн нугуча тобчийн, 1990. на старомонгольском языке.

Очир А. Монголын ойрадуудын түүхийн товч. УБ, 1993. цитировано по Санчилов, 1996.

Сухбаатар Г. Монголчуудын эртний овог. УБ, 1980.

Тайжиууд Очир, Бэсүд Сэржээ. Монголчуудын овгийн лавлах. УБ, 1998.

Тод номын гэрэл. Түүх соёл, хэл бичиг судлалын ТОД НОМЫН ГЭРЭЛ төвийн Сонин. 2007.04 сар № 03-04.

Хурц Э. Дархадын Хэрэйд хэмээх овгийн нэрийдлийн учир // Өвөр монголын багшийн их сургуулийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл. 3 гаралт. Хуххото, 1991.

Хурц Э. Торгуудын үүсэл гарлын тухай // Монгол улсын техникийн их сургуулийн байгуулагдсаны 30 жилийн ойд зориулсан эрдэм шинжилгээний өгүүллийн түүвэр. УБ, 1999.

На русском языке

Абул-Гази. Родословное древо тюрков. пер. Г.С. Саблукова. Казань, 1906. цитировано по Авляев, 1984.

Авляев Г.О. К вопросу о происхождении кереитов и их участии в этногенезе средневековых ойратов Джунгарии и калмыков Поволжья // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.

Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и исправл. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002.

Авляев Г.О., Санчилов В.П. К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии (к проблеме этногенеза калмыков) // Проблемы этногенеза калмыков. Элиста, 1984.

Алексеева П.Э. Борманджинов А.Э. Об этническом составе донских калмыков. Элиста, 1999.

Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. цитировано по Авляев, 1984.

- Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. – Живая старина, год IV Спб., 1896, вып. III-IV. цитировано по Авляев, 1984.
- Балдаев С.Ц. Материалы о бурятских племенах и родах // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1961. цитировано по Эрдниев, 1980.
- БАМРС Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т.3. О-Ф. Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М.: 2001.
- Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк. Соч. Т. II, ч. I, М., 1963. цитировано по Авляев, 1984.
- Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. СПб., 1893. цитировано по Гумилев, 1970.
- Батур-Убаши Тюмень. Сказание о дербен-ойратах // История калмыцких ханов и др. – Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
- Бичурин Иакинф. История Тибета и Хухунора. Т. II. СПб. 1833. цитировано по Гумилев, 1970.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф) Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е издание, Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. (Текст печатается по изданию: Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Сочинено Монахом Иакинфом. Санкт-Петербург. 1834. Типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел).
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950.
- Васильев А.А. (Глава IV. Монголы и монгольское завоевание. Монголия в первой половине XII в.) // История Востока. Восток в Средние века. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997.
- Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб., 1857. цитировано по Гумилев, 1970.
- Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1960. цитировано по Авляев, 1984.

- Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. цитировано по Пиков, 1996, Ушницкий, 2007.
- Викторова Л.Л. Ранний этап этногенеза монголов. Автореф. канд. дис. Л., 1961. цитировано по Гумилев, 1970.
- Викторова Л.Л. Роль стереотипа культуры в этногенезе монголов // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. цитировано по Авляев, 1984.
- Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. цитировано по Авляев, 2002.
- Вэй Чжэн. История Династии Суй // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984.
- Габан Шараб. Сказание об ойратах // Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969.
- Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987.
- Гафуров А.Г. Лев и Кипарис. О восточных именах. М., 1971. цитировано по Монраев, 1998.
- Григорьев В.В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873. цитировано по Гумилев, 1970.
- Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край: В 3 т. Т. II. Л., 1926. цитировано по Гумилев, 1970.
- Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюркок-тугю // Советская археология. 1959, № 1. цитировано по Гумилев, 1970.
- Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960.
- Д'Оссон К. История монголов, пер. Н.Козьмина. Иркутск, 1937. цитировано по Авляев, 1984.
- Дарваев П.А. Калмыцкий язык в свете теории культуры языка и речи. Монография. Элиста: АПП «Джангар», 2003.
- Деренко М.В., Малярчук Б.А., Возняк М., Денисова Г.А., Дамбуева И.К., Доржу Ч.М., Гржибовский Т., Захаров И.А. Распространенность мужских линий «чингизидов» в популяциях Северной Евразии // Генетика, 2007, том 43, № 3, с. 422-426.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969. цитировано по Санчилов, 1996.

- История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. цитировано по Эрдниев, 1980.
- История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). Алматы, 1993.
- История Китая: Под редакцией А.В. Меликсетова. Москва: Изд-во МГУ, 1998.
- История Монгольской Народной Республики. М.: Наука, 1967. цитировано по Рассадин, 2007.
- История Монгольской Народной Республики, изд. 2. М., 1983. цитировано по Авляев, 1984.
- Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII–XIV вв. Алма-Ата: Гылым, 1990. цитировано по Ушницкий, 2007.
- Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы: Гылым, 1994.
- Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). Москва: Т-во научных изданий КМК, 2004.
- Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I, М.-Л., 1941.
- Коновалов П.Б. Две ветви монгольского этногенеза // VIII Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 августа 2002 г.): Доклады российской делегации. М., 2002. цитировано по Рассадин, 2007.
- Ксенофонтов Г.В. «Ураанхай сахалар». Т. 2 // Архив ЯНЦ СО РАН. ф. 5. оп. 7. ед.хр. 11. цитировано по Ушницкий, 2007.
- Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск: Наука, 1977. цитировано по Ушницкий, 2007.
- Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. цитировано по Авляев, 1984.
- Кычанов Е.И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. цитировано по Гумилев, 1970.
- Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введение, комментарий и приложения Н.Л. Шастиной, М., 1973.
- ЛШ - Ляо ши. цитировано по Пиков, 1996.
- Миллер Г.Ф. История Сибири, 3-е изд., Т. I. М.: Вост. лит., 2005.

- Миллер Г.Ф. История Сибири, Т. I, 1937. цитировано по Сафаргалиев, 1960.
- Митиров А.Г. Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1998.
- Монраев М.У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: АПП «Джангар», 1998.
- Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. Алма-Ата, 1974. цитировано по Авляев, 1984.
- Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. Спб., 1852.
- Нефедьев Н. Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ калмыкахъ, собранныя на мѣсть Н. Нефедьевымъ. СПб.: печатано въ типографіи Карла Крайя, 1834.
- Окладников А.П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959. цитировано по Гумилев, 1970.
- Ольга Орлова, Александр Марков. Возможно, Петр Чаадаев был потомком Чингис-хана (интервью с И.А. Захаровым-Гезехусом) // Радио Свобода. 22.05.08. (<http://www.svobodanews.ru/Article/2008/05/22/20080522165022550.html>)
- Павлов Д.А. Названия основных калмыцких этнонимов // Проблемы монгольской филологии / Отв. ред. П.Ц. Биткеев. Элиста, 1988. цитировано по Санчиров, 1996.
- Павлов Д.А. Некоторые вопросы развития фонетики калмыцкого языка по «Тодо бичиг» // Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка. Элиста: КГУ, 1994.
- Палладий [Кафаров]. Комментарии на путешествие Марко Поло по Северному Китаю // ИРГО, т. XXXVIII, вып. I, Спб., 1902. цитировано по Авляев, 1984.
- Палладий [Кафаров]. Старинное монгольское сказание о Чингизхане (примечания) // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. Спб., 1866. цитировано по Гумилев, 1970.
- Петрушевский И.П. Рашид-ад-дин и его исторический труд. В кн.: Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, ч. I, М.-Л., 1952.
- Пиков Г.Г. Кидани и Сибирь // Из прошлого Сибири. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Ч. 1. Новосибирск, 1996.

- Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876-1877 годах по поручению ИРГО, вып. IV. СПб., 1883. цитировано по Авляев, 1984.
- Потанин Г.Н. Тангут-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия, 1884-1886 гг., Т. I, Спб., 1893. цитировано по Авляев, 1984.
- Пэрлээ Х.К. К вопросу о древней оседлости в Монгольской Народной Республике // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. цитировано по Пиков, 1996.
- Радлов В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929. цитировано по Авляев, 1984.
- Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1895. цитировано по Пиков, 1996.
- Рассадин В.И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Пер. с персидского Л.А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А.А. Семенова. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. Т. 1, кн. 1.
- Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Пер. с персидского О.И. Смирновой, редакция проф. А.А. Семенова. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. Т. 1, кн. 2.
- Решетов А.М. Сибирь // Народы и религии мира. Энциклопедия. М.: «Большая Российская Энциклопедия», 1998.
- Санчилов В.П. О происхождении этнонима торгут и народа носившего это название // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. с. 31-50.
- Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960.
- Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1971. цитировано по Ушницкий, 2007.
- Сибирские летописи, Изд. Археографической комиссии, 1907. цитировано по Сафаргалиев, 1960.
- Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1990.

- Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент, 1925. цитировано по Ушницкий, 2007.
- Успенский В. Страна Кукэ-нор или Цин-хай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов по изгнании последних из Китая в связи с историей Кукэ-нора (преимущественно по китайским источникам). СПб., 1880. цитировано по Санчилов, 1996.
- Ушницкий В.В. Историография проблемы сахаэтов в изучении этнической истории саха // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. с. 51-56.
- Хойт С.К. Антропологические характеристики калмыков по данным исследователей XVIII-XIX вв. // Вестник Прикаспия: история, археология, этнография. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. № 1. с. 220-243.
- Хойт С.К. Вопросы этнической и административно-территориальной структуры ойратских групп // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. с. 157-177.
- Цюй Юань. Стихи. М., 1954. цитировано по Гумилев, 1960.
- Шакарим Кудайберды-Улы. Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. пер. Бахыта Каирбекова. Алма-Ата: СП Дастан, 1990.
- Шапран А. Чукотские похороны // Русский репортер. 14.04.2008. (<http://photopolygon.com>, <http://www.expert.ru>)
- Шара Туджи. Монгольская летопись XVII века. пер. Н.П. Шатиной. М.: АН СССР, 1957.
- Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1980.

Научное издание

Санжи Кубаевич Хойт

Кереиты в этногенезе народов Евразии
(историография проблемы)

Монография

обсудить эту работу можно по адресу <http://khamagmongol.com/chuulgan>
множество других работ по антропологии, генетике, истории, филологии и этнографии
монгольских народов в библиотеке сайта <http://khamagmongol.com>
(<http://www.hamagmongol.narod.ru>)

Верстка Аршинов Д.С.

Подписано в печать 20.11.08. Формат 60x84/16

Бумага тип. № 1. Усл.печ. 5,13

Тираж 500 экз.

ООО «БРОСКО»

358011 г. Элиста, ул. Рокчинского, 5.